

ШЕЛБИ МАХЁРИН

18+

ЗМЕИ И ГОЛУБКА

НАВЕКИ ВМЕСТЕ: В ГОРЕ И В РАДОСТИ ИЛИ... В ОГНЕ

Змей и голубка

Шелби Махёрин

Змей и голубка

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

Махёрин Ш.

Змей и голубка / Ш. Махёрин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Змей и голубка)

ISBN 978-5-17-155572-6

Два года назад ведьма Луиза ле Блан покинула свой ковен, нашла приют в городе Цезарин и теперь живет лишь воровством. Ей пришлось отказаться от колдовства, ведь в Цезарине на ведьм идет охота. Их боятся. Их предают огню. Рид Диггори – охотник на ведьм и преданный служитель Церкви. Их с Луизой пути никогда не должны были сойтись, и все же коварная уловка сводит их вместе в невозможный союз. Война между ведьмами и Церковью стара как мир, и опаснейшие враги грозят Лу судьбой куда страшнее огня. Но она не в силах противиться чувствам, которые зарождаются в душе, и также не в силах изменить свою сущность. Лу должна сделать выбор.

ПОГРУЗИТЕСЬ В МИР МОГУЩЕСТВЕННЫХ ВЕДЬМ, ТЕМНОЙ МАГИИ, НЕВЕРОЯТНОЙ РОМАНТИКИ. ДА ВОСПЫЛАЮТ ВАШИ СЕРДЦА...

Теперь у ЛитРес есть группа в vk и канал в telegram, — там мы рассказываем о самом интересном, что находим в российском и зарубежном янг эдалте! Делимся интересными новинками и рассказываем о том, что уже вышло, а ещё общаемся с авторами и сами собираем интересные факты о любимых сериях. Подписывайтесь, чтобы найти единомышленников или друзей для совместных чтений!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-155572-6

© Махёрин Ш., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть I	7
«Беллероза»	9
Шассёр	16
Коварны женские умы	22
Кража	30
Мужское имя	36
Кольцо Анжелики	41
Гнев и зависть	46
Взаимовыгодное соглашение	49
Церемония	56
Часть II	63
Консуммация	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Шелби Махёрин

Змей и голубка

Посвящается моей маме, которая очень любит книги, папе, благодаря которому я обрела веру в себя, чтобы их писать, и Ар-Джею, который до сих пор не прочитал эту.

SHELBY MAHURIN
SERPENT&DOVE

Публикуется с разрешения HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers и литературного агентства «Синописис»

© Copyright © 2019 by Shelby Mahurin

Jacket art © 2019 by Katt Phatt

Jacket design by Sarah Nichole Kaufman

В оформлении макета использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

© М. Шмидт, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть I

Un malheur ne vient jamais seul.

Беда не приходит одна.

– французская пословица

«Беллероза»

Лу

Колдовство, касаясь человека, всегда оставляет след. Большинство людей прежде всего замечают запах: не зловоние гниения и разложения, скорее приторную сладость в ноздрях, острый привкус на языке. Очень немногие чувствуют дрожь в воздухе. Незримый ореол на коже мертвеца. Словно само колдовство все еще рядом, наблюдает и выжидает.

Как живое.

Разумеется, всякий, кому достанет глупости сказать об этом, оказывается на костре.

За год по всей Бельтерре нашли тринадцать тел – по сравнению с прошлыми годами число возросло более чем вдвое. Церковь всеми силами скрывала таинственные обстоятельства каждой из смертей. Известно, что хоронили всех мертвецов в закрытых гробах.

– Вот он. – Коко указала на полного господина в углу. Половину его лица скрывала тень, но плащ из золотой парчи и тяжелый медальон с гербом на шее говорили сами за себя. Прямо на нем повисла полуголая девица, а сам он сидел в кресле неподвижно – ему явно было неуютно. Я не удержалась от усмешки.

Только мадам Лабелль могла оставить такого знатного господина, как Пьер Трамблэ, дожидаться ее в недрах борделя.

– Пойдем. – Коко поманила меня к столу в противоположном углу. – Бабетта должна скоро прийти.

– Каким надменным ослом нужно быть, чтобы надеть золотую парчу в траур? – спросила я.

Коко покосилась на Трамбле и ухмыльнулась.

– Богатым.

Филиппу, дочь Трамбле, нашли седьмой.

Светское общество было потрясено, когда она исчезла посреди ночи, а затем появилась вновь – с перерезанным горлом, на берегу Лё-Меланколик. Но хуже всего оказалось даже не это. По королевству поползли слухи о седых волосах Филиппы, о ее сморщенной коже, мутных глазах и скрюченных пальцах. Бедняжку превратили в дряхлую старуху всего в двадцать четыре года. Никто из окружения Трамбле не понимал, как это могло произойти. Кажется, у Филиппы не было врагов, у которых могли бы найтись причины мстить ей так жестоко.

Однако у ее отца за годы торговли колдовскими артефактами их набралось немало.

Смерть дочери служила ему предупреждением – никому не позволено безнаказанно наживаться на ведьмах.

– Bonjour, messieurs¹. – Куртизанка с волосами медового цвета приблизилась к нам, с надеждой порхая ресницами. Я фыркнула, заметив, каким бесстыдным взглядом она одарила Коко. Даже переодетая мужчиной, Коко была удивительно красива. И хоть темную кожу ее рук усеивали шрамы, скрытые под перчатками, лицо Коко оставалось гладким, а черные глаза искрились в полутьме. – Могу ли я соблазнить вас своим обществом?

– Прости, дорогая, – проговорила я самым елейным голосом и похлопала куртизанку по руке – я видела, как другие мужчины так делают. – Но этим утром мы будем заняты. Вскоре к нам должна присоединиться мадемуазель Бабетта.

Грустила куртизанка недолго – мгновение спустя она уже шла к нашему соседу, который с большой охотой принял ее предложение.

¹ Доброе утро, господа (фр.).

– Думаешь, оно у него при себе? – Коко пристально оглядела Трамбле – от лысой макушки до носков лакированных ботинок. Ее взгляд задержался на его пальцах – никаких украшений на них не было. – Бабетта могла и обмануть нас. Все это может оказаться ловушкой.

– Бабетта, возможно, и врунья, но уж никак не дура. Она не сдаст нас раньше, чем мы ей заплатим. – Я наблюдала за прочими куртизанками с мрачным восхищением. Их талии были крепко перетянуты, груди так и вываливались за край выреза, но, казалось, корсеты вовсе не душат их медленно и мучительно – так бодро они плясали вокруг гостей.

Справедливости ради, многие из них и не надели корсеты. А то и вообще не надели ничего.

– Это верно. – Коко вытащила из-под плаща мешочек с монетами и бросила на стол. – Она сдаст нас сразу после.

– Ах, *mon amour*², мне больно это слышать. – Бабетта возникла рядом с нами и с улыбкой щелкнула по краю моей шляпы. В отличие от прочих куртизанок, почти всю бледную кожу она прятала под багряным шелком. Толстый слой белил скрывал все остальное – в том числе шрамы. Они змеились по ее рукам и груди тем же узором, что и у Коко. – А еще за десять золотых крон я даже и *не подумаю* о том, чтобы предать вас.

– Доброе утро, Бабетта. – Хмыкнув, я забросила ногу на стол и откинулась назад, качнувшись на задних ножках стула. – Знаешь, ты удивительным образом всегда появляешься почти мгновенно, стоит нам достать деньги. Ты что, их чуешь? – Я обернулась к Коко, которая скривила губы, пытаясь удержаться от улыбки. – Она как будто их чует, в самом деле.

– *Bonjour*³, Луиза. – Бабетта поцеловала меня в щеку, а затем наклонилась к Коко и понизила голос. – Козетта, ты, как и всегда, обворожительна.

Коко закатила глаза.

– Ты опоздала.

– Приношу свои извинения. – Бабетта склонила голову, приторно улыбнувшись. – Но я вас не узнала. Мне никогда не понять, к чему таким красавицам наряжаться мужчинами...

– Женщины без сопровождения привлекают слишком много внимания. Ты и сама это знаешь. – Я делано-небрежно побарабанила пальцами по столешнице и насилу улыбнулась. – Любая из нас может оказаться ведьмой.

– Что за вздор! – Бабетта заговорщически подмигнула мне. – Лишь глупец примет двух таких очаровательных дам, как вы, за этих гнусных, жестоких созданий.

– Разумеется. – Я кивнула и натянула шляпу еще ниже. Шрамы Коко и Бабетты выдавали их истинную сущность, но *Dames Blanches* – Белые дамы – в отличие от них могли показываться на людях без опаски. Вон та женщина с красновато-коричневой кожей, повисшая на Трамбле, запросто может оказаться одной из нас. Или медоволосая куртизанка, которая только что ушла наверх. – Однако Церкви свойственно первым делом обращаться к огню. И лишь потом задавать вопросы. В наше время женщиной быть опасно.

– Не здесь. – Бабетта широко распростерла руки, изогнув уголки губ в усмешке. – Здесь нам ничто не грозит. Здесь нас холят и лелеют. Предложение моей госпожи все еще в силе...

– Твоя госпожа сожгла бы тебя заживо – да и нас заодно, – если бы узнала правду. – Я снова обратила внимание на Трамбле, чье очевидное богатство привлекло к его персоне еще двух куртизанок. Он вежливо пресек их попытки расстегнуть ему штаны. – Нам нужен он.

Коко перевернула мешочек с монетами на столе.

– Десять золотых крон, как обещано.

Бабетта принялась и вздернула нос.

– Хм-м... помнится, речь шла о двадцати.

² Душечка (*фр.*).

³ Здравствуй (*фр.*).

– Что? – Мой стул с грохотом встал на все четыре ножки. Посетители борделя стали коситься на нас, но я даже не взглянула на них. – Мы договаривались на *десять*.

– Это было до того, как вы меня обидели.

– Черт подери, Бабетта. – Коко схватила наше золото прежде, чем Бабетта успела его коснуться. – Ты хоть представляешь, сколько времени нужно, чтобы скопить столько денег?

– Мы даже не знаем, у Трамбле ли это кольцо, – проговорила я, очень стараясь не повышать тон.

Бабетта только дернула плечами и протянула ладонь.

– Я не виновата, что вы предпочитаете резать кошельки на улицах, как простые воришки. Здесь, в «Беллерозе», вы за одну ночь заработали бы втрое больше, но нет, вам ведь гордость не позволяет.

Коко глубоко вздохнула и сжала кулаки.

– Слушай, прости, что мы ранили твои нежные чувства, но уговор был на десять. Мы не можем себе позволить...

– Я слышу, как у тебя в кармане звенят монеты, Козетта.

Я неверяще уставилась на Бабетту.

– Да ты и впрямь чертова ищейка.

Она сверкнула глазами.

– Полно, я ведь рискую собой, приглашая вас сюда подслушать разговоры моей госпожи с мсье Трамбле, а вы в ответ оскорбляете меня, будто...

В этот самый миг по лестнице спустилась высокая женщина средних лет. Яркого-изумрудное платье подчеркивало ее огненные волосы и осиную талию. При виде нее Трамбле вскочил, а куртизанки, в том числе Бабетта, почтительно раскланялись.

Было довольно странно наблюдать, как обнаженные женщины делают реверансы.

С широкой улыбкой взявшись за руки Трамбле, мадам Лабелль расцеловала его в обе щеки и промурлыкала нечто, чего я не расслышала. Когда она взяла его под руку и повела к лестнице, меня охватила паника.

Краем глаза Бабетта наблюдала за нами.

– Решайте поскорей, *mes amours*. Моя госпожа – дама занятая, и свои дела с мсье Трамбле она обсудит быстро.

Я свирепо уставилась на Бабетту, борясь с желанием схватить ее за красивую шейку и сдавить покрепче.

– Ты можешь хотя бы сказать нам, что именно покупает твоя госпожа? Она ведь должна была рассказать тебе *хоть что-то*. Это кольцо? Оно у Трамбле?

Бабетта самодовольно усмехнулась.

– Возможно... Но сначала – еще десять крон.

Мы с Коко мрачно переглянулись. Если Бабетта продолжит в том же духе, очень скоро она узнает, насколько *гнусливыми и жестокими* мы можем быть.

Для развлечения гостей в «Беллерозе» было выделено двенадцать роскошных комнат, но Бабетта не стала вести нас туда. Вместо этого она открыла тринадцатую дверь без номера в конце коридора и поманила нас внутрь.

– Добро пожаловать, *mes amours*: перед вами глаза и уши «Беллерозы».

Я поморгала и подождала, пока глаза привыкнут к темноте. Мы оказались в другом, не таком широком коридоре. Вдоль одной из стен через равные промежутки тянулись двенадцать окон – прямоугольных и больших. Сквозь них в коридор просачивался тусклый свет. Однако, взглянув поближе, я поняла, что это вовсе не окна, а портреты.

Ближе всего к нам был портрет прекрасной дамы с роскошными формами и соблазнительной улыбкой. Я провела пальцем по ее носу.

– Кто это на картинах?

– Прославленные куртизанки прошлых лет. – Бабетта остановилась, чтобы полюбоваться дамой. На лице ее проступила мечтательная задумчивость. – Когда-нибудь на этом месте будет мой портрет.

Я нахмурилась и повнимательнее оглядела как будто бы зеркально отраженное изображение, нарисованное блеклыми красками – как если бы это была не лицевая, а обратная сторона портрета. И... черт возьми: глаза женщины прикрывали две золотые затворки.

– Это что, смотровые глазки? – неверяще спросила Коко, придвигаясь ближе. – Что за мракобесие здесь творится, Бабетта?

– Тише! – Бабетта быстро прижала палец к губам. – Глаза и уши, помните? Уши! Здесь нужно говорить только шепотом.

Я не хотела даже представлять, зачем нужно подобное архитектурное приспособление. Но зато с удовольствием вообразила, как после всего этого вернусь домой, в театр, и буду очень долго отмываться. Тереть, тереть и еще раз тереть. Оставалось только надеяться, что я напрочь не сотру себе глаза.

Выразить свое отвращение я не успела, потому что краем глаза заметила в стороне движение. Я резко обернулась, потянувшись к ножу, который прятала в сапоге, но тут увидела, кто передо мной. И застыла под плотоядным взглядом двух до ужаса знакомых и до ужаса неприятных мужчин.

Андрé и Грю.

Я свирепо уставилась на Бабетту, все еще сжимая в кулаке нож.

– А они здесь зачем?

Услышав мой голос, Андре наклонился ближе и медленно заморгал, присматриваясь ко мне в темноте.

– Неужто это?..

Грю впился взглядом в мое лицо. На усы он внимания не обратил и вместо этого вгляделся в темные брови, бирюзовые глаза, веснушчатый нос и загорелую кожу. А затем злобно ухмыльнулся. Передний зуб у него был надколот. И жёлт.

– Ну привет, Лу-Лу.

Я смерила Бабетту красноречивым взглядом.

– Мы так не договаривались.

– Ох, Луиза, угомонись. Они на работе. – Бабетта уселась на один из деревянных стульев, с которых только что встали Андре и Грю. – Моя госпожа держит их в качестве охраны.

– Охраны? – фыркнула Коко, доставая из плаща собственный нож. Андре оскалился. – С каких это пор подглядывание зовется охраной?

– Если нам становится неуютно с клиентом, стоит лишь дважды постучать, и эти славные господа немедленно вмешаются. – Бабетта лениво указала на портреты ногой, обнажив бледную, испещренную шрамами лодыжку. – Это двери, *mon amour*. Немедленный доступ, миг – и ты внутри.

Мадам Лабелль – круглая дура. Лишь этим можно было объяснить подобную... что уж тут, дурость.

Андре и Грю, наиглупейшие воры из всех, кого я знала, регулярно посягали на нашу территорию на Восточной стороне города. Куда мы бы ни шли, они следовали за нами по пятам, а за ними же, в свою очередь, констебли. Этим двоим – огромным, уродливым и шумным амбалам – недоставало неуловимости и навыков, необходимых для безбедной жизни на Восточной стороне. И мозгов тоже не хватало.

Я и думать боялась, что могли натворить Андре и Грю, имея «немедленный доступ» к чему бы то ни было. Особенно если дело касалось насилия и секса. А ведь в этом борделе

наверняка проворачивали немало темных дел, если судить по встрече, ради которой мы сюда явились.

– Не стоит волноваться. – Будто прочтя мои мысли, Бабетта одарила Андре и Грю тенью улыбки. – Моя госпожа прикончит их на месте, если им вздумается сболтнуть кому-нибудь лишнего. Не правда ли, *messieurs*?

Ухмылки Андре и Грю растаяли, и только теперь я заметила синяки под их глазами. Нож я, однако, опускать не спешила.

– А что же помешает им сболтнуть лишнего *твоей госпоже*?

– Ну... – Бабетта встала, прошла мимо нас и направилась к портрету дальше по коридору. Затем потянулась к маленькой золотой кнопке рядом с ним. – Полагаю, это зависит от того, что вы готовы им предложить.

– Могу запросто предложить вспороть вам троим...

– Тихо-тихо! – Стоило мне шагнуть вперед с ножом, как Бабетта нажала кнопку, и затворки на портрете куртизанки открылись. Послышались приглушенные голоса мадам Лабелль и Трамбле.

– Поразмысли хорошенько, *mon amour*, – шепнула Бабетта. – Возможно, твое драгоценное колечко прямо сейчас в соседней комнате. Иди сюда, погляди сама. – Она отошла, все еще нажимая пальцем кнопку, и позволила мне встать перед портретом.

Чертыхнувшись, я поднялась на цыпочки и заглянула в глаза куртизанки.

Трамбле бродил по роскошному ковру с цветочным узором. В этой пастельной комнате, где утреннее солнце озаряло все нежным золотым светом, он казался бледнее обычного. На лбу у Трамбле проступил пот. Нервно облизнув губы, он оглянулся на мадам Лабелль, которая устроилась на диванчике у дверей и наблюдала за ним. Даже сидела она как королева – вытянув шею и сложив руки перед собой.

– Прошу вас, мсье Трамбле, успокойтесь. Уверяю вас, за неделю я добуду все необходимые средства. В крайнем случае – за две недели.

Он резко качнул головой.

– Слишком долго.

– Напротив, многие согласились бы, что этот срок ничтожен, учитывая, сколько денег вы запросили. Только король может позволить себе столь астрономическую сумму, а ему волшебные кольца без надобности.

Чувствуя, как колотится в груди сердце, я отстранилась от глазка и посмотрела на Коко. Она нахмурилась и достала из плаща еще монет. Андре с Грю прикарманили их, самодовольно ухмыльнувшись.

Пообещав себе освежевать их заживо после того, как украду кольцо, я снова заглянула в комнату.

– А... А если я скажу, что, помимо вас, у меня есть и другой покупатель? – спросил Трамбле.

– В таком случае я назову вас лжецом, мсье Трамбле. Вряд ли вы стали бы и дальше хвалиться своими товарами после несчастья, которое постигло вашу дочь.

Трамбле резко обернулся к ней.

– Не смейте говорить о моей дочери.

Мадам Лабелль пригладила юбки и не обратила на его слова ни малейшего внимания.

– Признаться, я весьма удивлена тем, что вы так и не покинули черный рынок магических артефактов. У вас ведь есть и другая дочь, верно?

Когда Трамбле не ответил, она усмехнулась жестоко и торжествующе.

– Ведьмы – зловредные создания. Если они узнают, что кольцо у вас, их гнев будет велик, а судьба остальной вашей семьи... прискорбна.

Побагровев, Трамбле шагнул к ней.

– Мне не нравятся ваши намеки.

– Возможно, угрозы вам понравятся больше, *monsieur*. Не стоит меня сердить, или же это станет последним, что вы успеете сделать в жизни.

Подавив смешок, я снова посмотрела на Коко. Она уже попросту тряслась от беззвучного хохота. Бабетта сердито уставилась на нас. Что там волшебные кольца! Возможно, сама эта беседа стоила сорока крон. Даже театр бледнел на фоне такой мелодрамы.

– Итак, скажите мне, – промурлыкала мадам Лабелль. – Есть ли у вас другой покупатель?

– *Putain*⁴. – Несколько долгих секунд Трамбле сверлил ее взглядом, а затем неохотно покачал головой. – Нет, другого покупателя у меня нет. Я несколько *месяцев* потратил на то, чтобы оборвать все связи с прежними партнерами и опустошить склад, но это кольцо... – Он тяжело сглотнул, и весь его пыл разом угас. – Я боюсь говорить о нем людям. Как бы демоны не прознали, что оно у меня.

– Неразумно для вас было вообще торговать тем, что принадлежит им.

Трамбле не ответил. Его взгляд был рассеянным, тревожным – будто он видел нечто, чего не видели мы. У меня почему-то сжалось горло. Мадам Лабелль же не обращала внимания на муки Трамбле и беспощадно продолжала.

– Если бы вы не стали этого делать, возможно, дорогая Филиппа все еще была бы с нами...

Услышав имя дочери, Трамбле снова резко обернулся к мадам Лабелль, и тревога в его глазах сменилась яростной решимостью.

– За то, что демоны сотворили с Филиппой, они будут гореть на костре, и я полюбуюсь на это.

– Как наивно с вашей стороны так считать.

– Прошу прощения?

– Я стремлюсь всегда быть в курсе дел моих врагов, *monsieur*. – Мадам Лабелль грациозно поднялась, и Трамбле отступил на полшага. – Поскольку теперь это и ваши враги тоже, позвольте дать вам совет: вмешиваться в дела ведьм – опасно. Забудьте о мести. Забудьте обо всем, что успели узнать о мире теней и колдовства. С этими женщинами вам не совладать, ни за что и никогда. Смерть – самая милосердная кара, которую они могут подарить вам, и даже ее еще придется заслужить. Казалось бы, судьба дорогой Филиппы должна была научить вас этому.

Трамбле скривил губы, встал в полный рост – но мадам Лабелль все равно оказалась выше – и зашипел:

– В-вы... вы переходите черту.

Мадам Лабелль не отстранилась от него. Вместо этого она совершенно невозмутимо провела рукой по лифу платья и вытащила из складок юбки веер. Внутри него блеснул нож.

– Как вижу, обмен любезностями окончен. Что ж, перейдем к делу. – Одним легким жестом расправив веер, она взмахнула им. Трамбле с опаской посмотрел на острие ножа и отошел на шаг. – Если пожелаете, я сию же минуту избавлю вас от кольца – на пять тысяч золотых крон дешевле, чем вы просите.

Трамбле издал странный сдавленный хрип.

– Да вы обезумели...

– Если же нет, – продолжила мадам Лабелль, и голос ее стал жестче, – то вы, уходя, тем самым накинете на шею своей дочери петлю. Ее ведь зовут Селия, верно? Госпожа Ведьм с удовольствием выпьет досуха ее молодость, румянец кожи и блеск волос. К тому времени, как ведьмы сделают свое дело, Селия станет неузнаваема. Она будет опустошена. Сломлена. Совсем как Филиппа.

⁴ Блядь (*фр.*).

– Вы... вы... – Трамбле выпучил глаза, и у него на вспотевшем лбу проступила вена. – *Fille de pute*⁵! Вы не можете так со мной поступить! Вы не можете...

– Полно, *monsieur*, у меня мало времени и много дел. Из Амандина вернулся принц, и я не хочу пропустить празднество в его честь.

Трамбле упрямо выпятил подбородок.

– У меня... У меня с собой его нет.

Чтоб тебя. Меня захлестнуло разочарование – горькое и острое. Коко чертыхнулась.

– Я вам не верю. – Мадам Лабелль подошла к окну и выглянула на улицу. – Ах, мсье Трамбле, как неразумно с вашей стороны было оставить собственную дочь ждать у борделя. Она ведь с легкостью может стать жертвой злоумышленников.

Вспотев еще больше, Трамбле быстро вывернул карманы.

– Клянусь, у меня его нет! Смотрите, смотрите! – Я прижалась к портрету, глядя, как мсье вытряхивает содержимое карманов перед мадам Лабелль. Вышитый платок, серебряные карманные часы, горстка медных крон. И никакого кольца. – Прошу, не троньте мою дочь! Она здесь ни при чем!

На Трамбле было так жалко смотреть, что я бы, возможно, даже ему посочувствовала – если бы только он не расстроил все мои планы. Раз уж на то пошло, глядя, как у него бледнеет лицо и трясутся ноги и руки, я испытала злорадное удовольствие.

Мадам Лабелль, похоже, разделяла мои чувства. Она картинно вздохнула, отняла руку от окна, обернулась и – как ни странно – посмотрела прямо на портрет, за которым я стояла. Я отшатнулась, упала прямо на задницу и едва не выругалась.

– Что такое? – прошептала Коко и присела рядом. Бабетта, нахмурившись, отпустила кнопку.

– Тссс! – Я замахала руками, указывая на комнату. – Кажется, – проговорила я одними губами, не смея подать голос, – она меня видела.

Глаза Коко тревожно расширились.

Мы все застыли, а голос мадам Лабелль прозвучал ближе, приглушенный, но вполне различимый за тонкой стеной.

– В таком случае скажите на милость, *monsieur*... где же оно?

Черт возьми. Мы с Коко неверяще посмотрели друг на друга. Вернуться к портрету я не смела, но все равно придвинулась ближе к стене, дыша так жарко, что мне самой неприятно было чувствовать этот жар на лице. «Ответь ей, – взмолилась я беззвучно. – Скажи нам».

И – о чудо – Трамбле повиновался. Его резкий ответ порадовал мой слух больше самой сладкозвучной музыки.

– Под замком в моем городском особняке, будь ты неладна, *salope ignorante*⁶...

– Прекрасно, мсье Трамбле. – Дверь их комнаты открылась со щелчком, и я почти что видела улыбку на губах мадам Лабелль в этот миг. Та же улыбка расцвела и на моем лице. – Ради блага вашей дочери надеюсь, вы не солгали. На рассвете я прибуду к вам с деньгами. И не заставляйте меня ждать.

⁵ Сучья дочь! (*фр.*)

⁶ Невежественная шлюха (*фр.*).

Шассёр

Лу

– Я слушаю.

Мы сидели в людной кондитерской. Бас поднес к губам ложку горячего шоколада – медленно и осторожно, стараясь не пролить ни капли на кружевной галстук. Я с трудом сдержалась, чтобы не брызнуть в него своим шоколадом. Сейчас Баса лучше не злить, а иначе с нашей затеей он помогать не станет.

Облапошивать вельмож Бас умел лучше всех.

– Вот как обстоит дело, – сказала я, указывая на него ложкой. – В качестве оплаты можешь забирать все, что найдешь в хранилище Трамбле. Кроме кольца – оно наше.

Бас наклонился ближе, не сводя глаз с моих губ. Когда я раздраженно смахнула с усов шоколад, он усмехнулся.

– Ах да. Волшебное кольцо. Должен признать, я удивлен, что тебя интересует такая вещица. Ты ведь, кажется, отреклаась от ворожбы навсегда?

– С этим кольцом все иначе.

Он снова нашел мои губы взглядом.

– Ну разумеется.

– Бас. – Я многозначительно щелкнула пальцами у него перед носом. – Соберись, пожалуйста. Это важно.

Когда-то, только прибыв в Цезарин, я сочла Баса довольно красивым. Достаточно красивым для ухаживаний. И определенно – для поцелуев. Я оглядела его лицо. Ниже уха, под бородой, до сих пор скрывался маленький шрам – это я укусила Баса в одну из самых страстных наших ночей.

Я печально вздохнула, вспомнив об этом. У Баса была прекраснейшая янтарная кожа. И очень упругая задница.

Он хмыкнул, будто прочтя мои мысли.

– Хорошо, Луи, я постараюсь мыслить пристойно – только и ты уж тоже потрудись. – Помешивая шоколад, он с усмешкой откинулся на спинку стула. – Так, значит... ты желаешь ограбить аристократа и, конечно же, явилась за советом к знатоку.

Я фыркнула, но прикусила язык. Бас приходился четвероюродным внуком барону и поэтому имел прелюбопытный статус – он одновременно и принадлежал к знати, и не принадлежал к ней. Благодаря богатству барона он мог одеваться в лучшие наряды и посещать роскошнейшие приемы, но при этом никто из вельмож не утруждался даже запомнить, как его зовут. Это бывало очень кстати, поскольку Бас частенько ходил на такие приемы как раз затем, чтобы обчистить этим вельможам карманы.

– Разумное решение, – продолжал Бас. – Поскольку олухи вроде Трамбле прячут свои ценности под семью замками за семью дверями под надзором стражников и сторожевых псов – и это явно еще не все. А уж теперь, после того, что стало с дочерью Трамбле, предосторожностей наверняка еще прибавится. Ведьмы похитили ее среди ночи, верно? Уверен, отныне Трамбле будет осмотрителен вдвойне.

Вот ведь подгадила мне эта Филиппа.

Хмурясь, я бросила взгляд на окно кондитерской. Там на витрине красовались всевозможные вкусности – торты в глазури, сахарные батоны, шоколадные тарталетки, а также разноцветные макарены и фруктовые слоеные пирожные. Довершали картину малиновые эклеры и яблочные пироги.

Из всего этого безобразия, однако, только при виде булочек в карамели с корицей и сливками мой рот действительно наполнился слюной.

И тут, как по заказу, на пустое сиденье перед нами плюхнулась Коко. Она поставила передо мной тарелку с булочками.

– Ешь.

Я готова была ее расцеловать.

– Ты просто богиня. Ты ведь это знаешь, да?

– Конечно. Только не жди, что я стану держать твои волосы, когда потом тебя будет тошнить. Ах да, и с тебя серебряная крона.

– Вот еще. Это ведь и мои деньги...

– Да, вот только булочку ты и так можешь выклянчить у Пана когда пожелаешь. Так что считай, что крона – это плата за услугу.

Я оглянулась на низкорослого полного мужчину, который стоял за стойкой, – Иоганна Пана – виртуоза-кондитера и того еще болвана. Но, что важнее, он был близким другом и наперсником мадемуазель Люсиды Бреттон.

А мадемуазель Люсида Бреттон – это я. Только в светлом парике.

Порой носить мужской костюм мне не хотелось – и я быстро обнаружила, что Пан питает слабость к прекрасному полу. Обычно мне достаточно было просто похлопать ресницами, чтобы добиться желаемого. Иногда приходилось проявлять... чуть большую изобретательность. Я тайком покосилась на Баса. Он и не подозревал, каких гнусностей успел натворить с бедняжкой мадемуазель Бреттон за прошедшие два года.

Пан совершенно не выносил женских слез.

– Я сегодня одета мужчиной. – Я вцепилась в первую булочку, безо всяких церемоний откусив от нее сразу половину. – К тму же он прдпчтает... – Я резко проглотила кусок, и на глазах выступили слезы, – блондинок.

Темные глаза Баса так и источали жар при взгляде на меня.

– В таком случае у этого господина дурной вкус.

– Фу. – Коко закатила глаза. – Может, хватит? Такие воздыхания тебе не к лицу.

– А тебе усы не к лицу...

Я оставила их препираться и снова занялась булочками. Коко набрала их столько, что хватило бы на пятерых, но я была готова осилить эту тяжкую ношу. Увы, всего три булочки спустя эта парочка ухитрилась испортить аппетит даже мне. Я резко отставила тарелку.

– Бас, у нас нет такой роскоши, как время, – перебила я, видя, что Коко готова кинуться на него с кулаками. – К утру кольца уже не будет, а значит, проверить дело нужно сегодня. Ты нам поможешь или нет?

Он нахмурился, услышав мой тон.

– Лично я не понимаю, ради чего вся эта суета. Чтобы скрыться, кольцо невидимости тебе не нужно. Ты ведь знаешь, тебя могу защитить я.

Ха. Снова пустые обещания. Возможно, именно поэтому я его и разлюбила.

Бас бывал разным – обаятельным, хитрым, беспощадным, – но защитником его не назовешь. О нет, он слишком увлекался более важными делами – например тем, чтобы при первом же намеке на беду бежать прочь и спасти собственную шкуру. Я его не винила. В конце концов, он ведь был мужчиной, а целовался так хорошо, что за это многое можно было простить.

Коко свирепо уставилась на него.

– Как мы уже сказали, причем *несколько раз*, кольцо дарует владельцу не только невидимость.

– Ах, *mon amie*⁷, признаться, я не слушал.

⁷ Подруга (*фр.*).

Когда он ухмыльнулся и послал ей воздушный поцелуй, Коко стиснула кулаки.

– Bordel⁸! Клянусь, однажды я тебя просто...

Я вмешалась, пока она не пустила кровь.

– Это кольцо защищает владельца от колдовства. Примерно как балисарды шассёров. – Я посмотрела на Баса. – Ты явно должен понимать, как это может быть для меня полезно.

Улыбка Баса померкла. Он медленно протянул руку и коснулся моего кружевного галстука, проведя пальцами вдоль шрама, который скрывался под ним. У меня по спине побежали мурашки.

– Но ведь она тебя не нашла. Тебе ничто не грозит.

– Пока что.

Долгое мгновение Бас смотрел на меня, так и не отнимая руки от моей шеи. Наконец он вздохнул.

– И ты готова на все, чтобы добыть это кольцо?

– Да.

– Даже на... колдовство?

Я тяжело сглотнула, коснулась ладони Баса, переплетя его пальцы со своими, и кивнула. Он опустил наши сцепленные руки на стол.

– Что ж, тогда согласен. Я тебе помогу. – Он выглянул в окно, и я проследила за его взглядом. Все больше и больше людей собирались на парад принца. И хотя большинство весело смеялись и болтали с почти осязаемым восторгом, где-то под ним чувствовалась скрытая тревога – она виделась в том, как напряженно они сжимали губы, как резко и стремительно бегали их глаза. – Сегодня, – продолжил Бас, – король проводит бал в честь возвращения своего сына из Амандина. На празднество приглашены все знатные господа – в том числе и мсье Трамбле.

– Как кстати, – пробормотала Коко.

Мы разом насторожились, заслышав на улице волнение – все глаза обратились к мужчинам, которые показались в толпе. Одетые в мундиры королевского синего цвета, они маршировали колонной по трое, четко шаг в шаг, и каждый держал у груди серебряный клинок. С обеих сторон их сопровождали констебли, покрикивая на пешеходов и разгоняя их по тротуарам.

Шассёры.

Преданные служители Церкви и охотники, они защищали королевство Бельтерру от сверхъестественных сил – а именно, от Белых дам, смертоносных ведьм, которые не давали покоя местным глупцам, погрязшим в предрассудках. Я смотрела, как шассеры проходят мимо, и чувствовала, что по моим венам разливается подавленный гнев. Будто это *мы* вторглись на эту землю, будто она не принадлежала когда-то *нам*.

«Это не твоя борьба». Я вскинула подбородок и мысленно одернула себя. Древняя война между Церковью и ведьмами больше меня не касалась – с тех самых пор, как я покинула мир колдовства.

– Не стоит тебе здесь оставаться, Лу. – Коко наблюдала за шассерами, которые выстроились вдоль улицы, никого не подпуская к королевской семье. Парад должен был скоро начаться. – Лучше нам встретиться в театре. В такой большой толпе опасно, наверняка быть беде.

– Я ведь переодета, – с трудом выговорив это с набитым ртом, я проглотила булочку. – Меня никто не узнает.

– Но ведь Андре и Грю узнали.

– Лишь из-за голоса...

⁸ Черт возьми! (фр.)

– Я с вами встретиться смогу только после парада. – Бросив мою руку, Бас встал и похлопал себя по жилету, скабрёзно усмехнувшись. – Такая большая толпа – это целое море денег, и я планирую в нем утопиться. Прощу меня простить.

Он отсалютовал нам шляпой и пошел прочь, маневрируя между столиков. Коко вскочила на ноги.

– Этот мерзавец забудет все свои обещания, как только исчезнет из виду. Наверняка сдаст нас констеблям – или того хуже, шассерам. Не знаю, как ты можешь ему доверять.

Не раз и не два мы с Коко спорили о том, что я рискнула раскрыть Басу свою истинную сущность. Свое настоящее имя. И неважно, что это случилось в ночь, когда виски и поцелуев было слишком много. Дожевывая последнюю булочку и избегая взгляда Коко, я в очередной раз попыталась не пожалеть об этом поступке.

От сожалений толку нет. Мне оставалось просто довериться Басу. Теперь мы с ним повязаны.

Коко смиренно вздохнула.

– Я за ним прослежу, а ты уходи отсюда поскорей. Встретимся в театре через час?

– Договорились.

Из кондитерской я вышла спустя всего несколько минут. На улице столпились десятки девиц, которые в ожидании принца были уже на грани истерики, но на пороге, преграждая мне путь, стоял незнакомец в буром шерстяном пальто. Поистине огромный – выше меня больше чем на голову, широкоплечий, с сильными руками. Он тоже смотрел на улицу, но наблюдал как будто бы не за парадом. Плечи у мужчины были напряжены, и стоял он так, словно готовился в любой миг кинуться в бой.

Я кашлянула и постучала его по спине. Он не сдвинулся с места.

Я попыталась снова. Он слегка отстранился, но пройти я все равно не могла.

Ясно. Закатив глаза, я толкнула его плечом в бок и попыталась протиснуться в узкий зазор между ним и дверным косяком. Видимо, *это* он все-таки почувствовал, потому что наконец-то обернулся – и тут же двинул мне локтем прямо в нос.

– Твою мать! – Схватившись за нос, я отшатнулась и уже второй раз за утро рухнула на пол мягким местом. К глазам подступили предательские слезы. – Ты что творишь?

Незнакомец быстро протянул мне руку.

– Прощу прощения, мсье. Я вас не заметил.

– Да уж видно. – Я демонстративно не приняла его руки и вскочила на ноги. Отряхнув штаны, я попыталась протолкнуться мимо него, но снова он преградил мне дорогу. Потертое пальто мужчины распахнулось, а под ним обнаружился плечевой ремень, натянутый через грудь. Ножи всех форм и размеров заблестели на нем, но при виде лишь одного клинка – того, что лежал в ножнах у самого сердца, – мое собственное сердце замерло. Переливчатый и серебристый, он был украшен огромным сапфиром, который грозно мерцал на рукояти.

Шассер.

Я вжала голову в плечи. *Вот же дрянь.*

Глубоко вздохнув, я заставила себя успокоиться. Сейчас, когда я была переодета, шассер был мне ничем не опасен. Я не сделала ничего дурного. Пахла корицей, а не колдовством. К тому же разве между всеми мужчинами не существует некое негласное товарищество? Взаимное и общее осознание своей собственной важности?

– Вы пострадали, мсье?

Так. Сегодня я мужчина. Я справлюсь.

Я заставила себя поднять взгляд.

Помимо возмутительно высокого роста, первым делом я заметила латунные пуговицы его пальто – цветом они подходили под его медно-золотые волосы, сверкавшие на солнце, точно

маяк. Из-за этих волос, равно как из-за прямого носа и выразительных губ, для шассера он был на удивление красив. *Раздражающе* красив. Я не удержалась и уставилась на него. Густые ресницы окаймляли глаза цвета моря.

Эти самые глаза смотрели на меня с нескрываемым изумлением.

Черт. Я схватилась за усы, которые из-за падения съехали и теперь попросту свисали с моего лица.

Что ж, попытка была достойная. Мужчины, быть может, и гордецы, но вот женщины прекрасно знают, когда пора делать ноги.

– Все в порядке. – Я быстро вжала голову в плечи и попыталась протиснуться мимо него, надеясь поскорей убраться подальше. И хотя я все еще не совершила ничего дурного, по острию ножа ходить не стоило. А не то, не ровен час, нож сам по мне пройдет. – Просто будьте повнимательней в следующий раз.

Он не сделал и шага.

– Вы женщина.

– Неплохо подмечено. – И снова я попыталась протолкнуться мимо – на этот раз с силой большей, чем стоило бы, – но он схватил меня за локоть.

– Почему тогда вы одеты мужчиной?

– А вы корсет носить пробовали? – Я обернулась к нему, прилепляя обратно усы с тем достоинством, на которое еще была способна. – Если бы пробовали, спрашивать такое вряд ли бы стали. В брюках ходить куда свободней.

Он уставился на меня так, будто у меня на лбу выросла третья рука. Я ответила суровым взглядом, и он слегка потряс головой, словно пытаясь ее проветрить.

– Я... приношу свои извинения, *мадемуазель*.

На нас уже начали глазеть. Я тщетно пыталась высвободить руку, чувствуя, как внутри нарастает паника.

– Отпустите...

Но он только крепче вцепился в меня.

– Я вас чем-то обидел?

Напрочь потеряв терпение, я со всей силы дернулась прочь.

– Да ты мне копчик сломал, дурень, вот чем!

Вероятно, шассера потрясла моя грубость, потому что выпустил он меня так резко, будто я его укусила. А потом уставился на меня с неприязнью на грани отвращения.

– Я в жизни не слышал от дамы подобных выражений.

Ах да. Шассеры ведь праведники. Вероятно, он счел меня дьяволом.

И не то чтобы очень ошибся.

Я одарила его кокетливой улыбкой, пятась и изо всех сил хлопая ресницами в попытке изобразить манеру Бабетты. Когда он не попытался снова меня задержать, дышать стало чуть легче.

– Значит, не с теми дамами ты водишься, шасс.

– Так, значит, вы куртизанка?

Я бы рассвирепела, услышав это, если бы только не знала нескольких весьма уважаемых и достойных куртизанок – не сказать, кстати, что в их число входила Бабетта. Чертова вымогательница. Я картинно вздохнула:

– Увы, но нет, и весь Цезарин скорбит об этом.

У него на лице заиграли желваки.

– Как ваше имя?

Гром бурных аплодисментов избавил меня от необходимости отвечать. Королевская семья наконец свернула на нашу улицу. Шассер отвернулся лишь на секунду, но мне большего было и не нужно. Я скользнула за спины особенно восторженных девиц – они кричали

имя принца так визгливо, что только собаки должны были бы слышать этот писк, – и исчезла прежде, чем шассер успел обернуться.

Однако со всех сторон на меня тут же обрушились людские локти, и я очень быстро поняла: я слишком мала, низкоросла и худа, чтобы пробиться через толпу. Во всяком случае без помощи ножа. Ответив на пару тычков тем же, я поискала глазами местечко повыше – переждать там процессию. Где-нибудь понеприметней.

Нашла.

Подпрыгнув, я ухватилась за подоконник старого песчаникового здания, пробралась по водосточной трубе и вскарабкалась на крышу.

Опершись локтями на парапет, я оглядела улицу, которая расстилалась внизу. Золотые флаги с гербом королевской семьи развевались у каждого порога, торговцы продавали еду на каждом углу. И хотя их жареный картофель, сосиски и сырны круассаны пахли очень ароматно, в городе все равно несло рыбой. Рыбой и дымом. Я сморщила нос. Такова уж одна из прелестей жизни на тоскливом сером полуострове.

Сам Цезарин воплощал собой серость. Грязно-серые дома наседали друг на друга, как сардины в банке, а полуразваленные улицы тянулись мимо грязных серых рынков и серых гаваней, которые были еще грязней. Все вокруг окутывало вечное облако трубного дыма.

Эта серость была удушающей. Безжизненной. Скучной.

И все же есть в жизни вещи пострашнее скуки. И дым порой идет не только из труб.

Аплодисменты достигли апогея, когда семейство Лионов проезжало мимо дома, на крыше которого я сидела.

Король Огюст махал народу из своей позолоченной кареты, а его золотые кудри развевались на осеннем ветру. Его сын Борегар сидел рядом. Эти двое были совершенно друг на друга не похожи. Первый – светлоглаз и светлокож, а второй унаследовал от матери темные волосы, смуглую кожу и глаза с нависшими веками. Но вот улыбки их очень похожим образом сочлись обаятельностью.

Даже с излишком, на мой вкус. Оба так и источали высокомерие.

Жена Огюста сидела позади них и смотрела волком. Я не могла ее винить – у меня и самой был бы такой взгляд, если бы любовниц у моего супруга скопилось больше, чем пальцев на ногах и руках. Впрочем, заводить супруга и связывать себя с кем-либо узами брака я все равно не собиралась, боже упаси.

Зрелище было малоинтересное, и я уже хотела отвернуться, как вдруг на улице что-то изменилось. Едва уловимое, как если бы ветер переменялся на полпути. Почти неслышный гул эхом прокатился по мощеной дороге, и весь шум толпы – как и все запахи, вкусы и прикосновения – ушел в небытие. Мир застыл. Я отшатнулась назад, подальше от края крыши, и волоски у меня на шее встали дыбом. Я поняла, что будет дальше. Узнала то чувство, когда неведомая сила едва-едва касается кожи, узнала знакомый гул в ушах.

Колдовство.

А затем послышались крики.

Коварны женские умы

Рид

Запах преследовал ведьм повсюду. Сладкий и травяной, но все же резкий – слишком резкий. Как от ладана, который Архиепископ возжигал на Мессах, но еще острее. И хотя с тех пор, как меня посветили в духовный сан, прошло уже несколько лет, привыкнуть к этому запаху я так и не сумел. Даже теперь, едва ощущаясь на ветру, он жег мне горло. Душил меня. Будто бы дразнил насмешкой.

Этот запах был мне ненавистен.

Я извлек из ножен у сердца балисарду и оглядел толпу вокруг. Жан-Люк настороженно посмотрел на меня.

– Чувешь беду?

– А ты разве нет? – шепнул я в ответ. – Запах слаб, но он есть. Они уже принялись за дело.

Жан-Люк вытащил собственную балисарду из нагрудного ремня и принялся.

– Я предупрежу остальных.

И он нырнул в толпу, не промолвив больше ни слова. Жан-Люк тоже не надел униформу, но толпа все равно расступалась перед ним, как Красное море перед Моисеем. Возможно, все дело было в сапфире, который венчал его нож. Люди зашептались у него за спиной, а самые проницательные оглянулись и на меня. В их глазах блеснуло осознание.

Шассеры.

Мы подозревали, что ведьмы нападут именно здесь и сейчас. С каждым днем они действовали все смелее – потому-то половина моих братьев и выстроилась вдоль улицы в форме, а другая половина, в простой одежде, подобной моей, скрывалась в толпе на виду. Мы ждали. Мы наблюдали.

Мы охотились.

Мужчина средних лет шагнул ко мне. За руку он держал маленькую девочку. Тот же цвет глаз. Те же черты лица. Дочь.

– Господин, нам грозит беда? – спросил он, и еще несколько человек оглянулись, услышав это. Нахмурили брови. Стали нервно оглядываться. Дочь мужчины вздрогнула, сморщила нос и выронила флажок. Он завис в воздухе на миг дольше, чем должен был, и только затем опустился на землю.

– Папа, у меня болит голова, – прошептала она.

– Тише, дитя. – Мужчина посмотрел на кинжал в моей руке, и его взгляд слегка смягчился. – Этот человек – шассер. Он нас убережет. Верно, господин?

В отличие от дочери, он еще не учуял колдовства. Но скоро и он ощутит его.

– Вы должны сейчас же уйти, – сказал я резче, чем собирался. Девочка снова вздрогнула, и отец приобнял ее за плечи. Мне вспомнились слова Архиепископа: «Будь им утешением, Рид. Ты должен не только защищать людей, но и внушать им веру и успокоение». Я тряхнул головой и попытался снова: – Прошу, мсье, вернитесь домой. Осолите двери и окна. И не выходите, пока...

Душераздирающий крик заглушил мои слова.

Все застыли.

– ИДИТЕ! – Я затолкнул мужчину и его дочь в кондитерскую, которая была позади нас. Он едва успел перешагнуть порог, как остальные кинулись следом, не разбирая дороги, врезаюсь друг в друга. Криков становилось все больше, и отовсюду разом послышался неестествен-

ный хохот. Я прижал кинжал к телу, стал пробиваться через растревоженную толпу и ненароком врезался в пожилую женщину.

– Осторожней. – Стиснув зубы, я поймал ее за хрупкие плечи прежде, чем старушка упала и расшиблась бы насмерть. Мутные глаза, моргая, уставились на меня, и морщинистых губ коснулась странная улыбка.

– Благослови тебя господь, юнец, – прохрипела она. Затем с неожиданной грацией вернулась и исчезла в толпе людей, бежавших мимо. Лишь несколько секунд спустя я ощутил приторный запах, который остался от старухи, и мое сердце екнуло.

– Рид! – Жан-Люк стоял в королевской карете. Десятки моих братьев окружили ее, сверкая сапфирами кинжалов и отгоняя перепуганных горожан. Я пошел к нему, но тут толчея впереди сместилась в сторону, и наконец я увидел их.

Ведьм.

Они скользили по улице с безмятежными улыбками, их волосы колыхались на несуществующем ветру. Ведьм было три. Они хохотали, а людские тела вокруг падали наземь лишь по щелчку их пальцев.

Хоть я и молил Господа о том, чтобы их жертвы остались живы, но часто размышлял, не будет ли смерть милосердней. Те, кому повезло меньше, пробуждались, лишившись всяких воспоминаний о своем втором ребенке или, к примеру, приобретя неутолимую жажду человеческой плоти. В прошлом месяце нашли дитя без глаз. Еще один мужчина утратил способность спать. Другой до конца жизни изнывал от любви к женщине, которую никто, кроме него, не видел.

Каждый раз все было иначе, чем прежде. И каждый раз – страшнее.

– РИД! – Жан-Люк замахал руками, но я не обратил на него внимания. Осмысленность уже почти готова была уступить место тревоге – я смотрел, как ведьмы надвигаются на королевскую семью. Медленно, неторопливо, будто целый батальон шассеров не бежал к ним со всех ног. Тела жертв стали подниматься в воздух, будто марионетки, формируя вокруг ведьм человеческий щит. Я в ужасе смотрел, как один мужчина сам ринулся вперед и напоролся на балисарду одного из моих братьев. Ведьмы захохотали и продолжили неестественным образом выгибать пальцы. С каждым движением на ноги поднималось очередное безвольное тело. Чертовы кукловоды.

Я не понимал, что происходит. Обычно ведьмы действовали тайно. Нападали из тени. С их стороны подобная явность – подобная *картинность* – была попросту неразумна. Разве что...

Разве что мы не всецело уловили суть происходящего.

Я кинулся направо, к песчаниковым домам, чтобы забраться повыше и оглядеть толпу. Цепляясь за стену дрожащими пальцами, я заставил себя карабкаться вверх. До каждой выемки в камнях приходилось тянуться все выше. Мир вокруг сливался в размытое пятно. Кружился перед глазами. В груди у меня стало тесно, кровь ревела в ушах. *Главное – не смотреть вниз. Только вверх...*

За краем крыши показалось знакомое усатое лицо. Сине-зеленые глаза. Веснушчатый нос. Девушка из кондитерской.

– Зараза, – сказала она. А потом исчезла из виду.

Глядя только туда, где скрылась девушка, я с новой силой направился вперед. За несколько секунд я забрался на уступ, но она уже прыгнула на соседнюю крышу. Одной рукой девчонка придержала шляпу, а другой продемонстрировала мне средний палец. Я хмуро посмотрел на нее. Какой бы откровенно дерзкой ни была эта маленькая дикарка, сейчас мне не до нее.

Я обернулся и посмотрел вниз. Все снова завертелось перед глазами, и мне пришлось ухватиться за уступ.

Люди прятались в магазинах, но их было слишком много. Места хватало далеко не всем. Лавочники пытались навести порядок, а тех, кто стоял у дверей, попросту топтали. Владелец кондитерской сумел забаррикадировать свою дверь, и те, кто остался на улице, визжали и колотились в окна. А ведьмы между тем подступали все ближе.

Я оглядывал толпу в поисках того, что мы упустили. Ведьм окружило уже больше двадцати тел – некоторые свесили головы, лишившись чувств, а другие, напротив, мучительно осознавали все происходящее с ними. Один мужчина висел в воздухе, раскинув руки, словно распятый на невидимом кресте. Он разевал рот в беззвучных криках и выдыхал дым. Одежда и волосы одной из женщин развевались, будто под водой, и она беспомощно цеплялась за воздух. Лицо ее синело. Она тонула на суше.

При виде этих ужасов шассеры один за другим бросались в бой.

Даже издали я видел в их лицах яростное стремление защитить невинных. Но шассеры так спешили помочь другим, что позабыли о главной нашей задаче – оберегать королевскую семью. Теперь карету окружали лишь четверо – двое шассеров и двое гвардейцев. Жан-Люк держал за руку королеву, а король выкрикивал приказы – нам, своей страже, любому, кто повиновался бы, – но шум заглушал каждое слово.

А сзади к ним, совершенно неприметная, подкрадывалась старуха.

Осознание обрушилось на меня камнем. Дыхание перехватило. Ведьмы, проклятия – все это был просто спектакль. Отвлекающий маневр.

Не задумываясь о том, как далеко внизу земля, я схватился за водосток и соскочил с края крыши. Жестяная труба застонала и прогнулась под моим весом. На полпути она полностью отделилась от стены, и я прыгнул, задержав дыхание, и приготовился к удару. Острая боль прошла ноги, когда я коснулся земли, но останавливаться я не стал.

– Жан-Люк! Сзади!

Он обернулся ко мне, и в тот же миг мы оба посмотрели на старуху. В глазах Жана-Люка мелькнуло понимание.

– Вниз! – Он толкнул короля на пол кареты. Остальные шассеры кинулись оббегать карету, спеша на его зов.

Ведьма оглянулась на меня, и на лице ее расплылась все та же странная улыбка. Она взмахнула рукой, и приторный запах вокруг усилился. С пальцев ведьмы сорвался поток воздуха, но колдовство не могло коснуться нас – уберегали балисарды. В каждой из них была расплавленная капля первоначальной реликвии Святого Константина, благодаря чему ворожбы мы могли не опасаться. Я ощутил, как отвратительно-сладкий воздух проносится мимо, но навредить мне он не сумел. И моим братьям тоже.

Но вот гвардейцам и горожанам рядом с нами повезло меньше. Они разлетелись в разные стороны, врезаясь в карету и магазины. В глазах ведьмы вспыхнуло торжество, когда один из моих братьев оставил свой пост, чтобы им помочь. Она быстро – неестественно быстро – направилась к двери кареты. Сверху показалось лицо принца Борегара, который неверяще оглядывал беспорядки вокруг. Ведьма зарычала на него, искривив рот. Но вскинуть руки она не успела – я схватил ее и придавил к земле.

Ведьма боролась, и сила ее была присуща женщине вдвое моложе нее – что уж там, *мужчине* вдвое моложе нее: она пинала, кусала и била меня всюду, куда только могла достать. Но я был слишком тяжел. Я навалился на ведьму всем своим весом и заломил ей руки над головой – достаточно высоко, чтобы вывихнуть старухе плечи. Затем прижал к ее горлу нож.

Она застыла, когда я наклонился к ее уху, вжимая лезвие глубже.

– Да помилует Господь твою душу.

Она расхохоталась, и этот хохот, громкий и хриплый, сотряс все ее тело. Я нахмурился, отстранился – и замер. Женщина подо мной уже не была старухой. Я в ужасе смотрел, как ее

дряхлое лицо становится фарфоровым и гладким. Хрупкие волосы загустели и черной копной заструились по плечам.

Она посмотрела на меня и распахнула губы, ближе приныкая к моему лицу. Я не мог ни о чем думать, не мог двигаться и даже не знал, *хочу ли*, – но все же неким образом успел отстраниться прежде, чем ее губы коснулись моих.

Тогда-то я и почувствовал его.

Ее плотный округлый живот вдавился в мое тело.

Господи.

Мой разум опустел. Я отпрыгнул назад – подальше от нее, подальше от *этого существа* – и вскочил на ноги. Крики вдали стихли. Тела зашевелились на земле. Затем женщина медленно встала.

Теперь одетая в кроваво-красные одежды, она прижала руку к своему раздувшемуся чреву и улыбнулась.

Ее изумрудные глаза обратились к королевской семье, члены которой сидели на полу кареты, бледные и потрясенные. Они смотрели на нас.

– Мы вернем свои земли, ваши величества, – проговорила ведьма певуче. – Вновь и вновь мы предостерегали вас. Вы не прислушались к нашим словам. Теперь же, уже скоро, мы станцуем на вашем прахе, как плясали вы на пепле наших предков.

Затем она посмотрела мне в глаза. Фарфоровая кожа снова сморщилась, а волосы цвета воронова крыла вновь подернулись сединой. Из прекрасной беременной женщины ведьма снова обратилась в старуху. Она мне подмигнула, и на осунувшемся лице это выглядело жутко.

– Как-нибудь повторим, красавец.

Я лишился дара речи. Никогда прежде я не видел настолько темной магии – настолько беспощадного осквернения человеческого тела. Но ведьмы и не были людьми. Они были гадюками. Демонами во плоти. А я едва не...

Беззубая улыбка ведьмы стала шире, как если бы она прочла мои мысли. Прежде чем я успел шевельнуться – обнажить клинок и отправить ее в ад, где ей было самое место, – ведьма развернулась и исчезла в облаке дыма.

Но перед этим успела послать мне воздушный поцелуй.

Плотный зеленый ковер в кабинете Архиепископа приглушал мои шаги. Окна в этой комнате отсутствовали, а стены были украшены резным деревом. Огонь камина отбрасывал мерцающий свет на бумаги, разложенные на столе. Сам Архиепископ сидел за ним и жестом пригласил меня сесть на деревянный стул напротив.

Я сел. Заставил себя посмотреть ему в глаза. Отбросил жгучий стыд, который разъедал меня изнутри.

Король с семьей сумели сбежать с парада невредимыми, но очень многим это не удалось. Погибли две девушки – одна от руки собственного брата, а другая убила себя сама. Еще десятки казались здоровыми телесно, но в этот самый миг были привязаны ремнями к кроватям двумя этажами выше. Они кричали. Говорили на чужих языках. Не моргая смотрели в потолок пустым взглядом. Священники сделали для этих людей все, что только могли, но я знал – большинство из них в течение двух недель перевезут в больницу для душевнобольных. Тем, кого коснулось колдовство, человеческая медицина очень немногим могла помочь.

Архиепископ смотрел на меня сквозь сложенные домиком пальцы. Холодный взгляд. Поджатые губы. Седина на висках.

– Сегодня ты хорошо справился, Рид.

Я нахмурился и поерзал на месте.

– Простите, господин?

Он мрачно улыбнулся и наклонился вперед.

– Если бы не ты, потерь могло быть куда больше. Король Огюст перед тобой в долгу и поет тебе хвалу. – Архиепископ указал на конверт, лежащий на столе. – Более того, он собирается учинить бал в твою честь.

Стыд у меня в душе вспыхнул жарче. Невероятным усилием воли я заставил себя разжать кулаки. Никаких похвал я не заслужил – ни от короля, ни тем более от своего патриарха. Сегодня я подвел их обоих. Нарушил первое правило братства: «Ворожеи не оставляй в живых».

Я оставил в живых четырех.

Хуже того, я... Я хотел...

Я содрогнулся, не в силах довершить эту мысль.

– Я не могу принять подобный дар, господин.

– И почему же? – Он изогнул темную бровь и снова откинулся назад. Я съезжился под его пристальным взглядом. – Ты один не позабыл о главной задаче. Ты один изобличил истинную суть той старухи.

– Жан-Люк...

Архиепископ нетерпеливо отмахнулся.

– Я ценю твою скромность, Рид, но не стоит ею злоупотреблять. Сегодня ты спас много жизней.

– Я... господин, я... – Не способный выдать больше ни слова, я уставился на свои руки. Они снова сжались в кулаки.

Как и всегда, Архиепископ все понял без объяснений.

– Ах да. – Его голос смягчился. Я поднял взгляд и обнаружил, что он смотрит на меня со странным выражением, прочесть которое я не сумел. – Жан-Люк поведал мне о неприятности, которая приключилась с тобой.

Он говорил мягко, но я слышал разочарование в его словах. И снова стыд захлестнул меня. Я опустил голову.

– Простите, господин. Не знаю, что на меня нашло.

Архиепископ тяжело вздохнул.

– Не тревожься, сын мой. Коварны женские умы – а в особенности ведьминские. Их вероломство не знает границ.

– Простите, господин, но я раньше никогда не видел подобных чар. То существо... было старухой, но потом... изменило свой облик. – Я снова посмотрел на свои кулаки, твердо намереваясь сказать все как есть. – И стало красивой женщиной. – Я глубоко вздохнул и поднял взгляд, сцепив зубы. – Красивой беременной женщиной.

Он скривил губы.

– Матерью.

– Простите?

Архиепископ встал, заложив руки за спину, и стал рассказывать туда-сюда.

– Разве ты позабыл богохульные вероучения ведьм, Рид?

У меня запылали уши. Я резко качнул головой и вспомнил детство, суровых дьяконов, полупустой учебный класс при храме, истлевшую Библию в моих руках.

«Ведьмы не почитают Господа нашего и Спасителя и не признают Священной Троицы – Отца, Сына и Святого Духа. Они воспевают иную троицу, порождение ереси. Триединую богиню».

Даже если бы я не вырос при Церкви, то все равно знал бы об этом – каждый шассер, прежде чем принести присягу, узнает о кощунственных верованиях ведьм.

– Дева, Мать и Старуха, – пробормотал я.

Архиепископ одобрительно кивнул, и я ощутил, как на душе у меня теплеет.

– Воплощение женственности в круге рождения, жизни и смерти... помимо всего прочего. Это, разумеется, святотатство. – Он насмешливо хмыкнул и покачал головой. – Будто Господь может быть женщиной.

Я нахмурился, не глядя ему в глаза.

– Разумеется, господин.

– Ведьмы верят, что их королеву, Госпожу Ведъм, благословила сама богиня. Они верят, что она... то есть оно, это дьявольское отродье, способно принимать обличья троицы по собственной воле. – Архиепископ примолк и поджал губы, посмотрев на меня. – Я полагаю, сегодня тебе довелось встретить самую Госпожу Ведъм.

Я уставился на него.

– Моргану ле Блан?

Он резко кивнул.

– Ее самую.

– Но господин...

– Это и объясняет твой соблазн и неспособность совладать с низменной природой. Госпожа Ведъм невероятно сильна, Рид, в особенности – в этом своем обличье. Ведьмы считают, что Мать воплощает собою плодородие, полноту жизни и... сексуальность. – Лицо Архиепископа исказилось в отвращении, будто последнее слово оставило горечь у него во рту. – Человек слабый на твоём месте поддался бы искушению.

«Но я хотел поддаться». Мое лицо пылало до боли жарко.

Между нами воцарилось молчание. Послышались шаги, и рука Архиепископа опустилась мне на плечо.

– Отринь эти мысли, дабы это дьявольское создание не отравило твой разум и не развратило дух.

Я тяжело сглотнул и заставил себя посмотреть на него.

– Я больше вас не подведу, господин.

– Я знаю. – Ни капли сомнений или неверия. Меня захлестнуло облегчение. – Жизнь, что мы избрали для себя, – жизнь воздержания и самозапретов – таит в себе трудности. – Он сжал мое плечо. – Мы – всего лишь люди. Таков наш бич – с незапамятных времен женщины искушают мужчин. Даже в Эдемском саду, в обители совершенства, Ева соблазнила Адама во грех.

Когда я промолчал, он отпустил мое плечо и вздохнул. Теперь уже устало.

– Поведай об этом нашему Господу, Рид. Исповедуйся, и он простит тебе грехи твои. Если же... спустя время... ты не сумеешь преодолеть эту душевную хворь, возможно, мы найдем тебе жену.

Эти слова тяжелым ударом обрушились на мою гордость и честь. В моей душе вспыхнул гнев. Резкий, ярый и болезненный. С тех пор как король учредил наш священный орден, очень немногие из моих братьев обзавелись женами, и большинство из них с тех пор оставили свои посты и покинули Церковь.

И все же... однажды я думал об этом. Даже жаждал этого. Но не теперь.

– В этом не будет нужды, господин.

Будто прочтя мои мысли, Архиепископ осторожно продолжил:

– Не стану напоминать тебе о прежних твоих проступках, Рид. Ты прекрасно знаешь, что Церковь не может обязать мужчину принять обет безбрачия – даже шассера. Как говорил Петр: «Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться». Если ты пожелаешь жениться, ни твои братья, ни я не сумеем тебе воспрепятствовать. – Он помолчал, внимательно глядя на меня. – Возможно, юная мадемуазель Трамбле все еще будет согласна на это?

У меня перед глазами вспыхнуло лицо Селии. Утонченное. Прекрасное. Зеленые глаза Селии были полны слез, пропитавших насквозь ткань ее траурного платья.

– Ты не можешь отдать мне свое сердце, Рид. Я не сумею с этим жить.

– Селия, прошу...

– Чудовища, что убили Пип, все еще на свободе. Они должны быть наказаны. Таков твой долг, и я не стану тебе помехой. Пусть твое сердце принадлежит братству. Прошу тебя, прошу, забудь меня.

– Я никогда бы не смог забыть тебя.

– Ты должен.

Я отбросил воспоминание прежде, чем оно поглотило меня с головой.

Нет. Я никогда не женюсь. После смерти сестры Селия дала мне это понять очень ясно.

– «Безбрачным же и вдовам говорю, – договорил я тихо и ровно, – хорошо им оставаться, как я». – Я вновь напряженно уставился на свои кулаки, которые прятал под столом на коленях, мысленно все еще оплакивая будущее и семью, которых у меня никогда не будет. – Прошу вас, господин... Я не стану подвергать угрозе свое будущее в кругу шассеров, связуя себя узами брака. Я ничего не желаю более, чем служить в угоду Господу нашему... И вам.

Затем я бросил на него взгляд, а он мрачно улыбнулся мне.

– Твоя преданность Господу радует меня. А теперь ступай за моей каретой – меня ждут на балу в честь приезда принца. Блажь, на мой взгляд, но Огюст любит побаловать сына...

Архиепископа перебил робкий стук в дверь. Его улыбка померкла, и он кивнул, позволяя мне уйти. Я встал, а Архиепископ обошел свой стол.

– Войдите.

В комнату вошел нескладный новопосвященный юнец. Ансэль, шестнадцати лет, с младенчества сирота, как и я. Я почти не знал его, хотя мы оба выросли при Церкви. Ансэль был слишком мал, чтобы водиться со мной или Жаном-Люком.

Он поклонился, прижав правый кулак к сердцу.

– Простите за беспокойство, Ваше Высокопреосвященство. – Ансэль достал конверт и сглотнул. – Но у меня для вас письмо. Только что к нашему порогу приходила женщина, она говорит, что сегодня вечером на Западной стороне возле парка Бриндель будет ведьма.

Я застыл. Там жила Селия.

– Женщина? – Архиепископ нахмурился, наклонился и взял письмо. Оттиск печати на нем был в виде розы. Архиепископ достал тонкий нож и вскрыл печать. – Что за женщина?

– Не знаю, Ваше Высокопреосвященство. – Щеки Анселя порозовели. – Она была рыже-волосая и очень... – Он кашлянул и уставился на свои ноги. – Очень красивая.

Архиепископ нахмурился еще больше и открыл конверт.

– Не должно нам прельщаться мирской красотой, Ансэль, – сказал он с упреком и обратился к письму. – Ожидая увидеть тебя завтра на испо... – Архиепископ изумленно распахнул глаза, прочтя написанное.

Я шагнул ближе.

– Господин?

Он не слушал меня и только смотрел на листок. Я сделал еще шаг, и Архиепископ резко вскинул голову и быстро заморгал.

– Я... – Архиепископ потряс головой и закашлялся, снова переведя взгляд на бумагу.

– Господин? – повторил я.

Услышав мой голос, он вдруг кинулся к камину и бросил письмо в огонь.

– Все хорошо! – рявкнул Архиепископ, сцепив руки за спиной. Они дрожали. – Не стоит тревожиться.

Но я встревожился. Я знал Архиепископа лучше всех на свете – и прежде дрожь была ему неведома, ни перед чем. Я посмотрел в камин, где письмо уже обратилось в черный пепел.

И вновь мои руки сжались в кулаки. Если ведьма намерена напасть на Селию, как прежде на Филиппу, я ее четвертую. Она будет *молить* меня о костре.

Будто ощутив мой взгляд, Архиепископ обернулся ко мне.

– Соберите отряд, капитан Диггори. – Теперь он говорил ровнее. Холоднее. Взгляд Архиепископа снова метнулся к камину, и черты лица его напряглись. – Хотя я и всерьез сомневаюсь в достоверности слов этой женщины, мы должны следовать своим обетам. Общайте округу и немедленно обо всем доложите мне.

Я приложил кулак к груди, поклонился и хотел выйти, но Архиепископ вдруг схватил меня за локоть. Теперь его рука уже не дрожала.

– Если ведьма в самом деле на Западной стороне, приведи ее *живой*.

Я кивнул и снова поклонился. Решено. Чтобы жить, все конечности ведьме без надобности. Даже голова ей для этого не нужна. Ведьмы способны воскресать до тех самых пор, пока их не сожгут. Наставлений Архиепископа я не нарушу. И если я сумею умалить его неожиданную тревогу, приведя ведьму живой, то я готов привести сразу трех. По одной за него, за Селию и за себя самого.

– Будет сделано.

Кража

Лу

Той ночью мы спешно облачились в свои наряды в Солей-и-Лун. На чердаке театра, в нашем убежище и тихой гавани, было бесконечное множество одежд, способных помочь в маскировке: платья, плащи, парики, туфли и даже исподнее всех размеров, форм и цветов. Сегодня нам с Басом предстояло блуждать под луной под видом парочки влюбленных голубков, разодетых в роскошные наряды знати, а Коко – следовать за нами в качестве сопровождающего.

Я взяла Баса под руку и одарила взглядом, полным обожания.

– Спасибо тебе за помощь.

– Ах, Луи, ты ведь знаешь, как я не люблю это слово. «Помощь» подразумевает, что я оказываю тебе услугу.

Я фыркнула и закатила глаза.

– И впрямь, боже тебя упаси хоть что-нибудь в жизни сделать по доброте душевной и от чистого сердца.

– В моем сердце ничего чистого нет. – Лукаво подмигнув, Бас притянул меня к себе и наклонился ближе – шепнуть что-то на ухо. Он жарко дышал мне в шею. – Только золото.

Ну ясно. Я ткнула его локтем, с виду совершенно невинно, и отстранилась. После того кошмарного парада большую часть дня мы размышляли, как пробраться в дом Трамбле, минуя всю его охрану. В наличии этой охраны мы убедились, прогулявшись мимо его особняка. Родственник Баса жил рядом с Трамбле, поэтому оставалось надеяться, что наше присутствие поблизости ни у кого не вызвало подозрений.

Все было именно так, как описал Бас: лужайка за воротами, которую каждые пять минут обходили стражники. Басс заверил меня: охрана есть и внутри, а помимо них – еще и сторожевые собаки, выученные рвать незваных гостей насмерть. И хотя слуги Трамбле наверняка будут спать, когда мы войдем, они оставались дополнительной загвоздкой, непредсказуемой для нас. Кроме того, предстояло еще найти само хранилище ценностей – на поиски у нас могли уйти дни, а Трамбле, вероятно, вернется всего через несколько часов.

Тяжело сглотнув, я поровнее приладила светлый напыженный парик и поправила на шее бархотку. Коко почувствовала мою тревогу и ладонью коснулась моей спины.

– Не волнуйся, Лу. Все будет хорошо. Бриндельские деревья не позволят никому учуять колдовство.

Я кивнула и выдавила улыбку.

– Да. Я знаю.

Свернув на улицу, где жил Трамбле, мы замолчали. Хрупкие деревья Бриндельского парка рядом с нами замерцали мягким светом. Сотни лет назад они служили моим предкам священной рощей. Когда же власть в Бельтерре захватила Церковь, власти попытались сжечь деревья дотла – и потерпели в этом сокрушительную неудачу. В отместку роща попросту выросла вновь за несколько дней, и поселенцы были вынуждены строить дома вокруг деревьев. Их волшебство до сих пор пульсировало в земле у меня под ногами – древнее и неизменное.

Мгновение спустя Коко вздохнула и снова коснулась моей спины. Почти что неохотно.

– Но соблюдать осторожность тебе действительно стоит.

Бас тут же обернулся к ней и нахмурился.

– Это в каком еще смысле?

Коко не обратила на него внимания.

– В доме Трамбле тебя ожидает... нечто. Возможно, кольцо, но, может быть, и что-то другое. Мне трудно разглядеть яснее.

– Что? – Я встала как вкопанная и развернулась к ней. – Что это значит?

Она смотрела на меня с болью в глазах.

– Я же сказала – не вижу. Все размыто и неопределенно, но что-то там точно есть. – Коко примолкла и склонила голову набок, будто вглядывалась в меня – или же скорее в нечто, чего не видела я сама. В нечто теплое, влажное, струившееся по венам у меня под кожей. – Это *может быть* нечто враждебное, но вряд ли оно причинит тебе вред. Но в нем определенно чувствуется сила.

– Почему ты не сказала раньше?

– Потому что раньше я не видела этого.

– Коко, мы ведь целый день все планировали...

– Правила устанавливаю не я, Лу! – рявкнула она. – Я вижу лишь то, что показывает твоя кровь.

Несмотря на споры Баса, Коко настояла на том, чтобы уколоть нам пальцы перед уходом. Я не возражала. Коко была Алой дамой и потому, в отличие от меня и других Белых дам, черпала свою магию не из земли. Нет, ее колдовство шло изнутри.

От крови.

Бас нервно взлохматил себе волосы.

– Возможно, стоило взять для дела другую ведьму крови. Бабетта могла бы подойти лучше...

– Черта с два, – прорычала Коко.

– Бабетте доверять нельзя, – добавила я.

Бас с любопытством посмотрел на нас.

– Но об этой чрезвычайно важной задаче вы ей почему-то рассказали...

Я фыркнула.

– Лишь потому, что заплатили ей.

– К тому же она мне должна. – Коко запахнулась в плащ, укрываясь от осеннего ветра. – Когда она покинула ковен крови, я помогла ей освоиться в Цезарине, но это было более года назад. Еще больше испытывать ее преданность я не хочу.

Бас любезно кивнул, наклеил на лицо улыбку и процедил:

– Предлагаю отложить эту беседу на потом. Поджариться на вертеле мне сегодня совсем не хочется.

– Тебя никто поджаривать не станет, – проворчала я, когда мы двинулись дальше. – Ты не ведьма.

– Это верно, – согласился он, задумчиво кивая. – Хотя мне подобный дар очень пригодился бы. Я всегда считал несправедливым, что все веселье досталось женщинам.

Коко пнула ему в спину камешек.

– Конечно, ведь гонения и преследование законом – это страсть как весело.

Он хмуро обернулся к ней и сунул в рот кончик пальца, на котором еще виднелся след от укола.

– А ты у нас, конечно, вечная жертва?

Я снова ткнула его в бок. На этот раз посильней.

– Умолкни, Бас.

Когда Бас открыл рот, чтобы заспорить, Коко лукаво ему улыбнулась.

– Следи за выражениями. Твоя кровь все еще у меня внутри.

Он смерил ее оскорбленным взглядом.

– Только потому, что ты силой вытребовала ее у меня!

Коко невозмутимо пожала плечами.

– Мне нужно было увидеть, не случится ли с тобой сегодня чего-нибудь интересного.

– И? – Бас уставился на нее свирепо и выжидательно. – Случится?

– Что, любопытно тебе?

– С ума сойти! И зачем, позволь узнать, я позволил тебе выпить своей крови, если ты даже не собираешься рассказывать...

– Я ведь уже сказала. – Она закатила глаза и с притворно-скупающим видом оглядела шрам у себя на запястье. – Я вижу лишь отрывки, и будущее постоянно меняется. Предвидение – не мой конек. Вот моя тетка способна увидеть тысячи вероятных событий, лишь лизнув...

– Потрясающе. Не представляешь, как я люблю наши приятнейшие беседы, но все же предпочту не знать подробностей предсказания будущего по крови. Уверен, ты меня поймешь.

– Но ведь ты сам сказал, как пригодился бы тебе ведьминский дар, – заметила я.

– Я просто проявил любезность, как настоящий джентльмен!

– Я тебя умоляю. – Коко фыркнула и снова пнула в него камешек, а потом ухмыльнулась, когда тот ударил Баса прямо в грудь. – Из всех моих знакомых ты последний, кого можно счесть джентльменом.

Мы расхохотались. Бас переводил гневный взгляд с меня на Коко, тщетно пытаясь уговорить наше веселье.

– Вот, значит, какова ваша благодарность за мою помощь. Возможно, мне все же стоит вернуться в особняк деда.

– Ой, хватит, Бас. – Я ущипнула его за руку, и Бас сердито посмотрел на меня. Я показала ему язык. – Ты согласился нам помочь, причем за долю, а не просто так. К тому же Коко выпила всего каплю, и надолго эта капля в ее теле не задержится.

– Уж надеюсь.

Коко в ответ щелкнула пальцем, и Бас запрыгал на месте так, будто у него загорелись штаны.

– Не смешно!

Но я все равно рассмеялась.

Уже скоро, даже слишком скоро, мы оказались перед домом Трамбле. Он был построен из красивого светлого камня и затмевал собою даже соседские, богато украшенные особняки. И вместе с тем явственно ощущалось, что роскошество в этом жилище сходит на нет. Растительность мерно покрывала фундамент, а ветер разбрасывал опавшие листья по лужайке. Клумбы усеивали побуревшие гортензии и розы, а рядом росло возмутительно экзотичное апельсиновое дерево. Все это обеспечила Трамбле чернорыночная торговля.

Я задумалась, любила ли Филиппа апельсины.

– Снотворное у тебя с собой? – шепнул Бас Коко. Она украдкой подошла к нам и кивнула, вытащив из-под плаща мешочек. – Отлично. Готова, Лу?

Не обратив на него внимания, я схватила Коко за локоть.

– Ты точно уверена, что собак оно не убьет?

Бас зарычал от нетерпения, но Коко еще одним щелчком пальцев его утихомирила. Она снова кивнула, а затем коснулась острым ногтем своего предплечья.

– В порошок по капле моей крови за каждого пса. Это всего лишь сухая лаванда, – добавила она, подняв мешочек. – Она усыпит их.

Я выпустила ее руку и кивнула.

– Хорошо. Тогда вперед.

Я накинула капюшон и бесшумно подкралась к кованой ограде, которая окружала участок. Шагов я не слышала, но знала, что Коко и Бас следуют за мной, держась в тени живой изгороди.

Замок на воротах был простой и крепкий, отлитый из того же железа, что и ограда. Я глубоко вздохнула. Я смогу. Минуло уже два года, но, разумеется, *разумеется*, я сумею сломать

один простой замок. Пока я рассматривала его, из земли выросла, обвившись вокруг замка, сверкающая золотая нить. Дрожа, она змеей окольцевала и мой указательный палец, образуя связь между мной и предметом моего колдовства. Я облегченно выдохнула, а потом снова глубоко вдохнула, чтобы собраться. Будто ощутив мои колебания, еще две нити возникли из-под земли и поплыли к Коко и Басу, а затем впились в грудь каждому из них и исчезли внутри. Я хмуро посмотрела на мелких золотистых пакостниц.

«Задаром ничего не бывает, – послышался на задворках моего разума ненавистный голос. – Чтобы сломать одно, нужно сломать другое. Кость за замок... или же можно разрушить сердечную связь. Природа требует равновесия».

Пусть к чертям катится эта природа.

– Что-то не так? – Бас осторожно подошел ближе, глядя то на меня, то на ворота. Но золотых нитей он не видел. Эти узоры существовали лишь в моем разуме. Я обернулась к Басу, чувствуя, как к губам подступают обидные слова.

Жалкий, ничтожный трус. Разумеется, я никогда не смогла бы полюбить тебя.

Ты и так в себя самого влюблен по уши.

И в постели ты бездарность.

С каждой из этих мыслей нить между Басом и замком пульсировала все ярче. Но нет. Не позволяя себе передумать, я резко повернула палец, и руку пронизала боль. Сжав зубы, я смотрела, как нити исчезают, возвращаясь в землю вихрем золотой пыли. Замок щелкнул, и меня захлестнул яростный восторг.

Я справилась.

Первый шаг пройден.

Задерживаться и праздновать успех я не стала. Вместо этого быстро открыла ворота – осторожно, чтобы не задеть палец, который теперь торчал под неестественным углом, – и вошла. Коко прошла мимо меня и направилась к главному входу, а следом за ней и Бас.

Ранее мы убедились, что дом Трамбле обходят шестеро стражников. Трое будут внутри, но ими займется Бас. С ножами он обращаться умел весьма неплохо. Я вздрогнула от этой мысли и вышла на лужайку. Стражников снаружи, за которых возьмусь я, ждет куда более милосердная участь. Надеюсь.

Не прошло и мгновения, как первый стражник вышел из-за угла. Я даже не стала прятаться – напротив, скинула капюшон и встала прямо на виду. Первым делом охранник заметил открытые ворота и тут же потянулся за мечом. С тревогой он оглядел двор в поисках чего-нибудь подозрительного – и нашел меня. Мысленно помолвившись, я улыбнулась.

– Здравствуй. – В моем голосе слилась воедино еще дюжина чужих голосов, и слово прозвучало странно и красиво – присутствие моих предков придало ему силы. Их прах, который земля поглощала, пока он сам не стал землей – и воздухом, и деревьями, и водой, – отозвался у меня под ногами монотонным гулом, пронизавшим насквозь все мое тело. Я знала, что в этот миг мои глаза блестят ярче прежнего, а кожа мерцает в лунном свете.

На лице стражника расплылось мечтательное выражение, и его рука, сжимавшая меч, обмякла. Я поманила его ближе. Он повиновался и, замороженный, пошел ко мне. Затем остановился лишь в паре шагов, все еще не сводя с меня взгляда.

– Ты подождешь остальных со мной? – спросила я все тем же странным голосом.

Он кивнул, затем разомкнул губы, и я ощутила, как под моим взглядом его сердце начинает биться чаще. Воспевая меня. Придавая мне сил. Мы смотрели друг на друга, пока не появился второй стражник. Я обратила взор на него и с удовольствием повторила все снова. К тому времени, как третий стражник явился к нам, моя кожа уже сверкала ярче луны.

– Вы так добры. – Я простерла свои руки к ним, точно в мольбе. Они жадно наблюдали за мной. – Заранее искренне прошу прощения за то, что собираюсь сделать.

Я закрыла глаза, сосредоточилась, и золото вспыхнуло у меня в разуме бесконечной замысловатой паутиной. Я поймала одну из нитей и вслед за ней мысленно пришла к образу Баса – к его лицу, шраму, к тому страстному вечеру, что мы провели вместе. Пришла пора обмена. Я сжала руки в кулаки, и воспоминание исчезло из памяти, а мир покачнулся перед глазами.

Стражники рухнули наземь без чувств.

Я медленно открыла глаза, еще не придя в себя. Паутина погасла. Живот скрутило, и меня стошнило на розовый куст.

Наверное, я бы на всю ночь осталась прямо там – потя и исторгая рвоту в приступе дурноты из-за магии, которую я подавляла в себе так долго. Но тут послышалось тихое скуление псов Трамбле. Видимо, Коко их нашла. Утерев рот рукавом, я мысленно встряхнулась и пошла к входной двери. Сегодня не время для брезгливости.

В особняке царила тишина. Куда бы ни пропали Бас и Коко, я их не слышала. Прокравшись в прихожую, я огляделась вокруг – темные стены, красивая мебель, бесчисленные побрякушки повсюду. Огромные ковры с безвкусыными узорами покрывали полы из красного дерева. Все вокруг было завалено хрустальными чашами, подушками с кисточками и бархатными пуфами. На мой вкус, скука смертная. Слишком много хлама. Мне очень хотелось сорвать с карнизов тяжелые шторы и впустить в комнату серебристый свет луны.

– Лу, – прошипел Бас с лестницы, и я чуть из кожи не выпрыгнула. С пугающей ясностью мне вспомнилось предостережение Коко. *«В доме Трамбле тебя что-то ждет»*. – Не спи на ходу, иди сюда.

– Уснешь тут, – проворчала я и, не обращая внимания на дрожь, направилась к нему едва ли не бегом.

К моему удивлению – и восторгу, – Бас нашел рычаг на раме большой картины в кабинете Трамбле. Это был портрет юной девушки с пронзительно-зелеными глазами и черными как смоль волосами. Я виновато коснулась ее лица.

– Филиппа. Как предсказуемо.

– Вот именно. – Бас повернул рычаг, и картина открылась, а за ней обнаружилось хранилище. – Глупость часто принимают за сентиментальность. Я первым делом проверил именно здесь. – Он указал на замок. – Взломаешь?

Я вздохнула, бросив взгляд на сломанный палец.

– Может, лучше ты?

– Давай уже, – сказал он нетерпеливо. – Да побыстрее. Стражники могут прийти в себя в любую минуту.

Что ж. Я сердито посмотрела на нить, которая простерлась между мной и замком, и принялась за дело. На этот раз нить возникла быстрее – словно ждала меня. И хотя я закусила губу до крови, от тихого стога, когда сломался второй палец, удержаться мне не удалось. Замок щелкнул, и Бас распахнул дверь хранилища.

Внутри Трамбле держал уйму всякого скучного хлама. Отбросив в сторону его печать, документы, письма и ценные бумаги, Бас алчно оглядел драгоценности, лежавшие дальше. В основном там были рубины и гранаты, но среди них я заметила особенно красивое бриллиантовое кольцо. Все хранилище сверкало золотыми кронами, которые лежали прямо вдоль стенок.

Все это я нетерпеливо смахнула прочь, не слушая возражений Баса. Если Трамбле солгал, если кольца у него все-таки нет...

В дальнем углу хранилища лежал маленький кожаный альбом. Я открыла его и увидела смутно узнаваемые наброски – это были девушки, наверняка Филиппа и ее сестра.

И тут из альбома выпало золотое кольцо, спрятанное меж страниц. Оно бесшумно коснулось ковра – совершенно ничем не примечательное, не считая лишь едва заметного пульсирующего свечения, которое эхом отозвалось в моей груди.

Боясь даже вздохнуть, я наклонилась и подняла кольцо. Оно согрело мою ладонь. Оно было настоящим.

К глазам подступили слезы.

Теперь она меня никогда не найдет. Теперь мне... ничто не грозит. Во всяком случае, на большую безопасность надеяться не приходилось. Если надеть кольцо на палец, оно защитит меня от колдовства. А если положить в рот, оно сделает меня невидимой. Я не знала, почему все так устроено – такова причуда кольца, а возможно, и самой Анжелики, – но это неважно. Я готова была сломать все зубы об это кольцо, если оно укроет меня от зла.

– Нашла? – Басс ссыпал последнюю горсть драгоценностей и крон в сумку и выжидающе посмотрел на кольцо. – А с виду та еще бесполезная безделушка, верно ведь?

Снизу донеслись три резких удара. Это было предупреждение. Бас сощурился, подкрался к окну и выглянул на лужайку. Я нацепила кольцо на палец, когда он отвернулся. Казалось, при этом оно едва слышно вздохнуло.

– Чтоб тебя! – Бас обернулся, вытаращив глаза, и я напрочь позабыла о кольце. – К нам пожаловали гости.

Я подбежала к окну. Констебли наводнили лужайку и уже направлялись к особняку, но вовсе не при виде них мое нутро содрогнулось от ужаса. Нет, все дело было в синих мундирах, которые их сопровождали.

Шассеры.

Черт. Черт, черт, черт!

Они-то что здесь забыли?

Трамбле с женой и дочерью склонились над стражниками, которых я оставила на лужайке без сознания. Я чертыхнулась, жалея, что не спрятала их где-нибудь. Глупая ошибка, но колдовство сбило меня с толку. Слишком давно я не занималась им.

К моему ужасу, один из стражников уже начал ворочаться. Я прекрасно знала, *что* он расскажет шассерам, когда придет в себя.

Бас уже закрывал хранилище и возвращал портрет на место.

– Можешь нас вытащить? – В его глазах полыхала паника – и отчаяние. Мы оба слышали, как констебли и шассеры окружают особняк. Скоро все выходы будут отрезаны.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали, и не только из-за переломанных пальцев. Я была слаба, *слишком* слаба после сегодняшнего колдовства. Как я могла так себя запустить и ослабнуть? Потому что боялась разоблачения, напомнила я себе. Риск был слишком велик...

– Лу! – Бас схватил меня за плечи и затряс. – Ты можешь нас вытащить?

Глаза защипало от слез.

– Нет, – выдохнула я. – Не могу.

Он поморгал, быстро и тяжело дыша. Шассеры что-то кричали внизу, но это было неважно. Важно было лишь решение, которое Бас принял, глядя мне в глаза.

– Ладно, – сказал он и сжал мои плечи. – Удачи.

А потом развернулся и бросился прочь из комнаты.

Мужское имя

Рид

От особняка Трамбле так и несло колдовством. Запах витал над травой, окутывал лежавших на земле охранников, которых Трамбле пытался привести в себя. Рядом над ними склонилась высокая женщина средних лет. Рыжеволосая. Очень красивая. Сам я ее не узнал, но кое-что заподозрил, и когда братья зашептались о ней, убедился, что прав.

Мадам Лабелль. Небезызвестная куртизанка, госпожа «Беллерозы».

Ей здесь определено было делать нечего.

– Капитан Диггори.

Я обернулся, услышав за спиной напряженный голос. Там, крепко сцепив руки, стояла стройная светловолосая дама, и на ее безымянном пальце сверкало дорогое обручальное кольцо. В уголках ее глаз были морщинки недовольства, а взглядом в этот самый миг она сверлила мадам Лабелль.

Жена Трамбле.

– Здравствуйте, капитан Диггори. – Вначале я услышал мягкий голос Селии, а затем и сама она вышла из-за спины матери. Я тяжело сглотнул. Селия все еще была одета в траурный наряд, а в свете огня ее зеленые глаза казались как будто остекленевшими. Они распухли, покраснели, а на щеках у Селии искрились слезы. Как же мне хотелось в этот миг броситься к ней и поскорее утереть их. А вместе с ними стереть и всю эту кошмарную сцену, так похожую на ночь, когда мы нашли Филиппу.

– Мадемуазель Трамбле. – Вместо всего этого я склонил голову, явственно чувствуя, как внимательно на меня смотрят братья. Особенно Жан-Люк. – Вы... славно выглядите.

Ложь. Селия выглядела несчастной. Перепуганной. Исхудавшей с тех пор, как мы виделись в последний раз. Лицо ее осунулось, будто она много месяцев не спала. Как и я.

– Спасибо. – Она едва заметно улыбнулась моей лжи. – Вы тоже.

– Сожалею о произошедшем, мадемуазель, но уверяю вас, если за это ответственна ведьма, она будет гореть на костре.

Я оглянулся на Трамбле. Они с мадам Лабелль, довольно близко прикинув друг к другу, похоже, о чем-то не без труда беседовали со стражниками. Я нахмурился и подошел ближе. Мадам Трамбле кашлянула и перевела сердитый взгляд на меня.

– Поверьте, господин, присутствие ваше и вашего многоуважаемого ордена здесь совершенно без надобности. Мы с мужем – граждане богобоязненные и колдовства не терпим...

Жан-Люк поклонился ей.

– Разумеется, мадам Трамбле. Мы здесь сугубо в целях предосторожности.

– Однако ваша стража еще недавно лежала без чувств, мадам, – заметил я. – И от вашего дома пахнет колдовством.

Жан-Люк вздохнул и раздраженно покосился на меня.

– Здесь *всегда* так пахнет. – Мадам Трамбле сощурилась и недовольно поджала губы. – Все дело в этом отвратительном парке. Он отравляет всю улицу своими миазмами. Если бы не красивый вид на Долёр, мы бы переехали отсюда завтра же.

– Приношу извинения, мадам. И все же...

– Мы все понимаем. – Жан-Люк шагнул к ней и успокаивающе улыбнулся. – И просим прощения за неудобства. Как правило, ограблениями и кражами занимается полиция, но... – Он замаялся, и улыбка его померкла. – Нам поступило анонимное сообщение о том, что сегодня

здесь будет ведьма. Мы лишь быстро осмотрим дом, и вы с семьей сможете без опасений туда вернуться...

– Капитан Диггори, шассер Туссен. – Нас перебил ласковый, ровный, даже интимный голос. Мы разом обернулись и увидели мадам Лабелль, которая уже шла к нам. Трамбле поспешил за ней, оставив растерянных стражников. – Мы только что беседовали со стражей. – Она улыбнулась белозубой улыбкой, которая почти сверкала на фоне алых губ. – Бедняжки, к сожалению, ничего не помнят.

– Позвольте полюбопытствовать, Элен, – процедила мадам Трамбле, – зачем вы здесь?

Мадам Лабелль обернулась к ней с вежливым равнодушием.

– Проходила мимо и заметила, что здесь творится неладное, разумеется.

– Проходили мимо? И что же вам понадобилось в *этой* части города, дорогая? Как я полагаю, в такой поздний час у вас должны быть, кхм, *дела* на вашей улице.

Мадам Лабелль изогнула бровь.

– Вы правы. – Она улыбнулась, затем бросила взгляд на Трамбле и вновь посмотрела на его жену тем же ледяным взором, что и та на нее. – У меня действительно есть дела.

Селия застыла на месте, склонив голову, а Трамбле поспешил вмешаться прежде, чем его жена успела ответить.

– Господа, разумеется, вы можете опросить моих служащих самостоятельно.

– Не волнуйтесь, мсье Трамбле, мы это обязательно сделаем. – Я смерил его суровым взглядом – ради Селии, – а затем повысил голос и обратился к констеблям и шассерам: – Рассредоточьтесь и окружите участок. Перекройте все выходы. Господа констебли, прошу каждого из вас взять себе в пару шассера. Если поблизости действительно ведьма, не позволяйте ей застать вас беззащитными.

– Это вовсе не ведьма, – настаивала мадам Трамбле, тревожно оглядываясь. В соседних особняках стали зажигаться огни. Несколько человек уже толпились возле взломанных ворот. Некоторые были в ночных рубашках, другие же – в пышных нарядах, как семейство Трамбле. И у всех был знакомый настороженный вид. – А всего лишь вор. Вот и все...

Мадам Трамбле резко умолкла, бросив взгляд на особняк. Я посмотрел туда, куда смотрела она – на окно верхнего этажа. Там шевельнулась штора, и на улицу выглянули двое.

Одна из них, несмотря на парик, была мне знакома. Бирюзовые глаза, яркие даже издали, расширились в испуге. Штора задернулась.

Я ощутил прилив удовлетворения и позволил себе усмехнуться. *«Пусть, как вода, течет суд, и правда – как сильный поток».*

– Что там? – Жан-Люк тоже посмотрел на окно.

Суд.

– Они еще здесь. Мужчина и женщина.

Он красивым жестом выхватил балисарду.

– От женщины я избавлюсь быстро.

Я нахмурился, вспомнив ее усы. Мешковатые брюки, закатанные рукава рубашки и веснушки. Ее запах, когда мы столкнулись на параде, – она пахла ванилью и корицей. Не колдовством. Я резко потряхнул головой. Ведьмы не всегда пахнут злом. Лишь когда практикуют магию. Архиепископ все объяснил очень четко, когда обучал нас: каждая женщина может оказаться врагом. И все же...

– Кажется, она не ведьма.

Жан-Люк вскинул бровь, раздувая ноздри.

– Не ведьма? Но ведь наверняка неслучайно мы получили наводку именно на эту ночь, когда именно эти воры решили ограбить именно этот дом.

Я нахмурился и снова посмотрел на окно.

– Я видел ее сегодня утром. Она... – Я кашлянул, чувствуя, как к щекам подступает жар. – Она не выглядела ведьмой.

Даже в моих собственных ушах это оправдание прозвучало жалко. Я ощутил, как Селия напряженно смотрит на меня.

– Ах да. Она не может быть ведьмой, потому что *не выглядела* ведьмой. Ясно. И впрямь, что это я, в самом деле.

– На ней были усы, – проворчал я. Когда Жан-Люк хмыкнул, мне очень захотелось его ударить, но я сдержался. Он знал, что за нами наблюдает Селия. – Не стоит забывать – рядом Бриндельский парк. Вполне возможно, что эти двое – простые воры. В таком случае они заслужили оказаться в тюрьме, но не на костре.

– Что ж, ладно. – Жан-Люк закатил глаза и, не дожидаясь моего приказа, направился к двери. – Тогда давайте поспешим? Допросим обоих и решим – тюрьма или костер.

Я стиснул зубы, недовольный его надменностью, но кивнул констеблям, и они быстро последовали за ним. Я – нет. Вместо этого я продолжил следить за окном и крышей. Когда девушка не появилась вновь, я осторожно зашел за угол дома, выжидая. Присутствие Селии причиняло мне ощутимую боль, но я изо всех сил старался не обращать на нее внимания. Она хотела, чтобы я думал лишь о службе. Именно это я должен был сделать.

Прошла еще минута. И еще.

Справа от меня распахнулась маленькая подвальная дверь, скрытая за гортензиями. Оттуда, сверкая ножами в лунном свете, выскочили Жан-Люк и мужчина с янтарной кожей. Они покатались по земле, но Жан-Люк тут же оказался сверху и прижал нож к горлу незнакомца. Трое констеблей выбежали вслед за ними с наручниками и веревкой. Несколько мгновений спустя они уже связали его по рукам и ногам. Мужчина рычал и извивался, исторгая поток ругательств. А кроме них – еще одно слово.

– Лу! – Он беспомощно бился в веревках, багровея от гнева. Один из констеблей потянулся – сунуть кляп ему в рот. – ЛУ!

«Лу». Мужское имя. Видимо.

Я двинулся дальше, все так же оглядывая окна и крышу. И верно – вскоре я заметил, как по стене вверх движется тонкая тень. Двигается медленно. Я присмотрелся. На этот раз на девушке был плащ. Пока она карабкалась вверх, он распахнулся, обнажив платье, такое же нарядное, как у мадам Трамбле. Наверняка украдено. Но, похоже, мешало ей не платье.

Все дело было в руке.

Каждый раз, касаясь рукой стены, воровка тут же отдергивала ее, будто от боли. Я сощурился, пытаюсь понять, в чем дело, но она была слишком высоко. Слишком, слишком высоко. Будто в ответ на мой страх, в этот самый миг ее нога соскользнула, и девушка упала, пролетев пару метров вниз, но успела ухватиться за оконный выступ. Вместе с ней что-то упало и у меня внутри. – Эй! – Я кинулся вперед. Послышались шаги – шассеры и констебли последовали за мной. Жан-Люк бросил связанного вора на землю у моих ног. – Сдавайся! Мы уже схватили твоего приятеля! Спускайся, пока не расшиблась насмерть!

Она снова соскользнула, но удержалась. На этот раз ее парик упал на землю, обнажив длинные каштановые волосы. Поддавшись порыву необъяснимой ярости, я рванулся вперед.

– Спускайся СЕЙЧАС ЖЕ!..

Мужчина ухитрился выплюнуть кляп.

– ЛУ, ПОМОГИ!..

Констебль снова сунул кляп ему в рот. Воровка остановилась, услышав его, уселась на окно и посмотрела на нас. При виде меня в ее лице мелькнуло узнавание. Затем девушка вскинула здоровую руку в шутливом воинском приветствии.

Я потрясенно уставился на нее.

Она отдала мне честь!

Мои руки сжались в кулаки.

– Лезьте наверх, схватите ее!

Жан-Люк нахмурился, услышав этот приказ, но все равно кивнул.

– Шассеры, за мной. – Мои братья бросились за ним, обнажая балисарды. – Констебли – оставайтесь здесь. Не дайте ей уйти.

Если остальные шассеры и задались вопросом, почему я тоже остался у дома, они ничего по этому поводу не сказали. Весьма мудро с их стороны. Но от любопытных взглядов меня это не уберегло.

– Что? – рявкнул я, свирепо глядя на них. Они поспешно снова усталились на крышу. – Внутри был кто-то еще?

После нескольких долгих секунд один из них шагнул вперед. Я смутно его узнал. Деннис. Нет, Давид.

– Да, Капитан. Мы с Жоффре кое-кого нашли на кухне.

– И?

Еще один констебль, видимо тот самый Жоффре, кашлянул. Они переглянулись, и Жоффре сглотнул.

– Она сбежала, – сказал он.

Я резко выдохнул.

– Но, кажется, это и была ваша ведьма, – добавил Давид с надеждой. – От нее вроде бы несло колдовством... И она отравила собак. У них на мордах была кровь, и пахло от них... странно.

– Если это поможет, она была... В шрамах, – пробормотал Жоффре. Давид закивал.

Я, не сказав им больше ни слова, обернулся к крыше. Заставляя себя разжать кулаки, заставляя себя дышать.

Виновны во всем были не Давид и Жоффре. Справляться с ведьмами их не учили. И все же... пусть тогда они сами и объясняются с Архиепископом. Пусть тогда их и накажут. Пусть они стыдятся своей неудачи. Еще одна ведьма ушла живой. Еще одна ведьма продолжит мучить невинных жителей Бельтерры. Мучить Селию.

В глазах стоял красный туман, но я посмотрел на воровку.

Лу.

Она скажет мне, куда делась ведьма. Я заставлю ее все рассказать во что бы то ни стало. Я все исправлю.

Даже с поврежденной рукой лазала по стенам она быстрее шассеров. До крыши девчонка добралась даже раньше, чем остальные успели вскарабкаться хотя бы на этаж.

– Врассыпную! – рявкнул я констеблям. Они разбежались, повинувшись приказу. – Где-то ей придется слезать! Окружите вон то дерево! И водостоки! Ищите все, что может помочь ей сбежать!

Я в негодовании ждал, расхаживая туда-сюда, а мои братья между тем взбирались все выше. Их голоса доносились до меня. Они угрожали девчонке. И хорошо. Она ведь водится с ведьмами, так что пусть, пусть боится нас.

– Есть успехи? – крикнул я констеблям.

– Здесь нет, капитан!

– И здесь!

– Тут никого, господин!

Я подавил нетерпеливый рык. И вот наконец, казалось, целую вечность спустя, Жан-Люк взобрался на крышу. Трое моих братьев последовали за ним. Я ждал. И ждал.

И снова ждал.

Давид закричал у меня за спиной. Я обернулся и увидел, что связанный вор уже на полпути к дороге. Он как-то сумел справиться с веревками, которые опутывали его ноги. И хотя

констебли кинулись следом, они по моему приказу разбежались по двору слишком далеко. Чертыхнувшись, я кинулся за беглецом, но крик Жана-Люка заставил меня остановиться.

– Ее здесь нет! – Он снова возник на крыше, тяжело дыша. Даже издали я видел гнев в его глазах. Тот же гнев полыхал и во мне. – Она сбежала!

Яростно рыкнув, я оглядел улицу в поисках беглеца.

Но и он тоже испарился.

Кольцо Анжелики

Лу

Я все еще слышала шассеров, когда убегала по улице, глядя вниз – туда, где должны были быть мои ноги и все остальное тело. Шассеры не понимали, куда я пропала. Я и сама не понимала этого до конца.

В один миг я была на крыше, в ловушке, без пути к свободе, а в следующий кольцо Анжелики обожгло мне палец. *Ну конечно.* От страха я позабыла, на что *способно* это кольцо. Не задумываясь, я стянула перстень с пальца и сунула в рот.

Мое тело исчезло.

Взбираться по стене особняка под чужими взглядами и с двумя сломанными пальцами было трудно. Спускаться по ней же, тоже под чужими взглядами, с двумя сломанными пальцами и кольцом в зубах, хоть и невидимой – почти невозможно. Дважды я чуть его не проглотила, а один раз, уверена, шассер услышал меня, когда я задела сломанные пальцы.

И все же я справилась.

Если шассеры не считали меня ведьмой прежде – если каким-то чудом стражники не проболтались им, – теперь они определенно должны были это заподозрить. Нужно соблюдать осторожность. Медноволосый шасс знал меня в лицо, а по милости кретина Баса выяснил еще и имя. Он точно будет меня искать.

А значит, прослышать об этом и тоже взяться за поиски могут и другие – куда более опасные люди.

Когда я наконец убежала подальше и решила, что можно расслабиться, то выплюнула кольцо изо рта. Мое тело тут же возникло в воздухе, и я надела перстень обратно на палец.

– Неплохой трюк, – задумчиво протянула Коко.

Я резко обернулась, услышав ее голос. Коко стояла, опершись на грязную кирпичную стену переулка и изогнув бровь. Она кивнула на кольцо.

– Как вижу, хранилище Трамбле вам найти удалось. – Когда я с сомнением покосилась на улицу, она рассмеялась. – Не бойся. Наши мускулистые синеполые друзья сейчас по кирпичикам разбирают особняк Трамбле. Они слишком заняты твоими поисками, чтобы в самом деле тебя найти.

Я фыркнула, но тут же осеклась и с благоговением посмотрела на кольцо.

– Поверить не могу, что мы смогли его отыскать. Ведьмы бы настоящий бунт подняли, если б узнали, что оно у меня.

Коко проследила за моим взглядом и слегка нахмурилась.

– Я знаю, на что способно это кольцо, но ты никогда не рассказывала, почему в твоём роду его так почитают. Наверняка же существуют артефакты... как бы сказать... более могущественные?

– Это Кольцо Анжелики.

Коко непонимающе уставилась на меня.

– Ты же ведьма. – Я посмотрела на нее с таким же недоумением. – Разве ты не слышала историю Анжелики?

Она закатила глаза.

– Я *красная* ведьма, если ты вдруг забыла. Уж прости мне мое невежество в вопросе ваших суеверий. Она тебе что, родственница?

– Да, – нетерпеливо ответила я. – Но суть не в этом. На самом деле она была просто одинокой ведьмой, которая полюбила рыцаря.

– Удалого героя, разумеется?

– Да. Он подарил ей это кольцо в знак обещания жениться... А потом умер. Анжелика так горевала, что ее слезы затопили землю, и из них получилось целое новое море. Его назвали «Лё-Меланколик».

– «Печальные воды». – Коко взяла меня за руку, снова оглядела кольцо, и насмешка на ее лице сменилась неохотным восхищением. Я сняла кольцо с пальца и протянула ей на раскрытой ладони. Коко кольца не взяла. – Какое красивое и одновременно ужасное название.

Я мрачно кивнула.

– Место тоже красивое и ужасное. Когда Анжелика выплакала все слезы, то бросила кольцо в море и бросилась следом сама. И утонула. А когда кольцо снова показалось на поверхности, оно было наполнено всевозможной магией...

С улицы послышались хриплые голоса, и я резко замолчала. Мимо прошла компания мужчин – они громко и нескладно выводили песню из тех, что обычно поют в пивнушках. Мы с Коко отступили подальше в тень.

Когда голоса стихли, я расслабилась.

– Как ты сбежала?

– Через окно. – Увидев мой выжидательный взгляд, она усмехнулась. – Капитан со своими прислужниками были слишком заняты тобой, чтобы заметить меня.

– Ну что ж. – Я сжала губы и прислонилась к стене рядом с ней. – В таком случае, видимо, не стоит благодарности. А как ты нашла меня?

Коко закатала рукав. Ее руки покрывала сеть шрамов, и один свежий порез до сих пор кровоточил. Каждая отметина была следом совершенного ею колдовства. Коко мало рассказывала мне об Алых дамах, но я знала, что их кровь служит важной составляющей большинства чар, хоть и не понимала этого. В отличие от Белых дам, Алые не подчинялись никаким правилам и законам. Их колдовство не требовало равновесия. Оно могло быть диким, непредсказуемым... И некоторые из моего рода даже считали его опасным.

Вот только я видела, на что способны сами Белые дамы. Мерзкие лицемерки.

Коко вскинула бровь и растерла кровь между пальцами.

– Ты уверена, что хочешь знать?

– Думаю, я могу догадаться сама. – Я вздохнула, сползла по стене вниз и села на землю, закрыв глаза.

Коко села рядом и прислонилась ко мне ногой. После короткого молчания она толкнула меня коленом, и я приоткрыла один глаз. Взгляд Коко был тревожно серьезным.

– Лу, констебли видели меня.

– Что? – Я дернулась и тут же распахнула глаза. – Как?

Она пожала плечами.

– Я подождала неподалеку – хотела убедиться, что ты спаслась. Мне повезло, что это были просто констебли. Они чуть штаны не обмочили, когда признали во мне ведьму. Поэтому из окна было вылезать проще.

Черт. У меня екнуло сердце.

– Значит, шассеры тоже все знают. И наверняка уже ищут тебя. Тебе нужно как можно скорее бежать из города. Прямо сегодня. Сейчас. Напиши своей тетке, она тебя найдет.

– Но и *тебя* они ищут тоже. Даже если бы ты не исчезла без следа, они явно поняли, что ты водишься с ведьмой. – Она обняла колени, не замечая крови на руке, и перепачкала свою красную юбку. – Что думаешь делать?

– Не знаю, – тихо призналась я. – У меня есть кольцо Анжелики. Оно должно помочь.

– Тебе нужна защита. – Вздохнув, Коко взяла меня за здоровую руку. – Поедем со мной. Моя тетка...

– Меня прикончит.

– Я ей не позволю. – Коко яростно затрясла головой, и кудри, окаймлявшие ее лицо, задрожали. – Ты ведь знаешь, как она относится к Госпоже Ведьм. Белым дамам она помогать ни за что не станет.

Я знала, что спорить бесполезно, и только тяжело вздохнула.

– Она, может, и нет, а вот другие могут. А значит, кто угодно из твоего ковена сможет зарезать меня во сне – или отдать меня *ей*.

Глаза Коко вспыхнули.

– Да я глотки им за такое вспорю.

Я печально улыбнулась.

– Я больше о своей собственной глотке волнуюсь.

– И что теперь? – Она бросила мою руку и встала. – Ты просто вернешься в Солей-и-Лун?

– Пока что да. – Я пожала плечами как ни в чем не бывало, но получилось не слишком убедительно. – Только Бас знает, что я там живу, а он смог сбежать.

– Я останусь с тобой.

– Нет. Я не позволю тебе сгореть за меня на костре.

– Лу...

– Нет.

Она раздраженно засопела.

– Ладно. Твоя жизнь – тебе решать. Только... позволь мне хотя бы излечить твои пальцы.

– Хватит колдовства. На сегодня уж точно.

– Но...

– Коко. – Я встала и ласково взяла ее за руку, чувствуя, как глаза щиплет от слез. Мы обе знали, что она просто тянет время перед разлукой. – Все будет хорошо. Это всего лишь парочка сломанных пальцев. А теперь ступай. Береги себя.

Она всхлипнула и запрокинула голову в тщетной попытке сдержать слезы.

– Только если и ты себя побережешь.

Мы коротко обнялись, но прощаться никому не хотелось. Прощание – это навсегда, а мы обязательно еще когда-нибудь встретимся. Я не знала, когда и где, но знала, что сделаю для этого все возможное.

Не промолвив больше ни слова, Коко выпустила меня и исчезла в тени.

Я еще даже не успела выйти из переулочка, когда две рослые фигуры преградили мне путь. Я чертыхнулась – они безо всяких церемоний толкнули меня в стену. Андре и Грю. Ну конечно. Я попыталась вырваться, но тщетно. Они в разы превосходили меня весом.

– Как поживаешь, красотка? – плотоядно мурлыкнул Андре. Он был ниже, чем Грю, с длинным тонким носом и зубами, которых было слишком много. Они теснились у него во рту, желтые, сколотые и кривые. От дыхания Андре меня чуть не стошнило, и я отпрянула, но Грю зарылся носом мне в волосы.

– М-м-м. Вкусно пахнешь, Лу-Лу. – В ответ я ударила его головой в лицо. Нос Грю хрустнул, и он отшатнулся, матерясь, а потом ринулся вперед и потянулся лапами к моему горлу: – Ах ты мелкая сучка...

Я пнула его в колено, одновременно ткнув Андре локтем в живот. Его хватка ослабла, и я кинулась прочь, но в последний миг он поймал меня за плащ. Я споткнулась и с глухим ударом рухнула на землю ногами вперед. Андре пинком перевернул меня на живот и пригвоздил к земле, надавив на позвоночник ботинком.

– Отдавай кольцо, Лу.

Я извивалась в попытке лишить его равновесия, но Андре только надавил еще сильнее. Острая боль прошла мою спину.

– У меня его... – Договорить я не успела – Андре резко наклонился и толкнул меня лицом в булыжник. Мой нос хрустнул, а в рот хлынула кровь. Я закашлялась, захлебываясь ею, перед глазами заплескали звездочки, и с большим трудом мне удалось не потерять сознание. – Констебли нас чуть не поймали, урод! – И тут на меня снизошло неприятное озарение. – Так это вы? Это вы, ублюдки, нас сдали?

Грю зарычал и встал, все еще держась за колено. Из его носа хлестала кровь. Несмотря на сильнейшую боль, я ощутила приступ злорадства. Я знала, что в открытую насмеяться над ним сейчас не стоит, но как же сложно, как невыносимо сложно было удержаться.

– Никого я не сдавал. Обыщи ее, Андре.

– Если еще хоть раз меня тронешь, клянусь, я тебе глаза вырву нахер...

– Вряд ли сейчас ты можешь нам угрожать, Лу-Лу. – Андре дернул меня за волосы, обнажив мое горло, и погладил меня по подбородку ножом. – И, думаю, обыскивать тебя я буду не спеша. В каждый укромный уголок загляну. Ты ведь можешь прятать кольцо где угодно.

С кристальной ясностью у меня перед глазами вспыхнуло воспоминание.

Мое горло над чашей. Все вокруг белое.

А потом – алое.

Я набросилась на Андре клубком рук, ног, ногтей и зубов, царапая, кусая и пиная его всюду, куда только могла дотянуться. С воплем Андре отпрянул, слегка полоснув мне подбородок лезвием, но я даже не ощутила боли, отшвырнув нож прочь. Я не чувствовала вообще ничего – ни воздуха в легких, ни дрожи в руках, ни слез на лице. Я не остановилась до тех пор, пока не нащупала пальцами его глаза.

– Стой! Прошу! – Он сумел зажмуриться, но я давила все больше, пробираясь под веки, в самые глазницы. – Прости! Я... Я тебе верю!

– Стой! – За моей спиной послышался топот Грю. – Прекрати, а не то я...

– Если тронешь меня, он останется без глаз.

Шаги резко стихли, и я услышала, как Грю громко сглотнул.

– Ты... просто дай нам что-нибудь за молчание, Лу. Что-нибудь за хлопоты. Я же знаю, что ты у этого богатея не только кольцо стащила.

– Я вам ничего давать не обязана. – Медленно пятясь к улице, я крепко держала одну руку у шеи Андре. Другую – прямо у его глаза. С каждым шагом я ощущала, как снова начинаю чувствовать конечности. Как возвращается осмысление всего вокруг. Сломанные пальцы едва ли не выли от боли. Я быстро заморгала, сглатывая подступившую к горлу желчь. – Не ходите за мной, иначе я закончу начатое.

Грю не сдвинулся с места. Андре так вообще заскулил, подумать только.

Дойдя до улицы, медлить я не стала. Толкнула Андре в руки Грю, развернулась и бросилась бежать в Солей-и-Лун.

До тех самых пор, пока я не оказалась в безопасности на чердаке театра, я нигде не задерживалась, чтобы унять кровь или вправить пальцы. Воды не нашлось, умыться было нечем, но я размазывала кровь до тех пор, пока ее не стало больше на платье, чем у меня на коже. Пальцы уже онемели, но я закусила край плаща и все равно вправила их, использовав как лубок косточку из старого корсета.

Я смертельно устала, но уснуть не могла. Вздрагивала от каждого шороха, да и на чердаке было слишком темно. Лунный свет просачивался в помещение лишь сквозь одинокое разбитое окно, которое служило мне единственной дверью, ведущей сюда. Я свернулась у окна и попыталась забыть о пульсирующей боли в носу и руке. На короткий миг я даже задумалась о том, чтобы вылезти на крышу. Немало ночей я провела вот так, над городом, жаждая, чтобы звезды касались моего лица, а ветер развеивал волосы.

Но не сегодня. Шассеры и констебли все еще ищут меня. Хуже того, Коко уехала, а Бас бросил меня при первом же признаке беды. Я с горечью закрыла глаза. До каких же чертей докатилась моя жизнь.

Что ж, по крайней мере я добыла кольцо – и *она* до сих пор меня не нашла. Одна эта мысль достаточно утешила меня, и я наконец забылась беспокойным сном.

Гнев и зависть

Рид

Поздним утром на тренировочной площадке звенели мечи. Прогоняя прочь осеннюю прохладу, лучи солнца согревали нас, и с меня струился пот. В отличие от прочих шассеров рубашки я не снял. Она липла к коже у меня на груди. Наказывала меня.

Я позволил уйти еще одной ведьме. Отвлёкся на веснушчатую воровку и не понял, что в доме таится демон. Селия была разбита. Она даже не могла смотреть на меня, когда отец уводил ее в дом. При воспоминании об этом меня бросило в жар. Очередная неудача.

Жан-Люк сбросил рубашку первым. Наш учебный поединок продолжался уже несколько часов, и его темная кожа блестела от пота. Руки и грудь Жана-Люка покрывали ссадины – по одной за каждый раз, когда он позволял себе сболтнуть лишнего.

– Все о ведьмах своих думаешь, капитан? Или, может, о мадемуазель Трамбле?

В ответ я ударил Жана-Люка по руке деревянным мечом. Затем отразил ответный удар и ткнул его локтем в живот. Сильно. Еще две ссадины добавились к прежним. Я надеялся, что у него останутся синяки.

– Как я понимаю, это значит «да». – Жан-Люк согнулся пополам, схватившись за живот, но все равно ухитрился фыркнуть. Видимо, стоило ударить еще посильнее. – На твоём месте я бы не волновался, уже скоро все позабудут о фиаско с особняком Трамбле.

Я вцепился в меч до белых костяшек и почувствовал, как у меня дергается челюсть. Не дело это – кидаться в драку на самого давнего друга. Пусть даже этот друг – жалкий мелкий...

– В конце концов, королевскую семью ты все-таки спас. – Жан-Люк выпрямился, все еще держась за бок, и усмехнулся еще шире. – Хотя, справедливости ради, ты также порядком опозорился с той ведьмой. Не уверен, что тебя понимаю. Отцовство – это не ко мне... А вот вчерашняя воровка и впрямь была хороша...

Я ринулся на него, но Жан-Люк, хохотнув, отразил удар и толкнул меня в плечо.

– Успокойся, Рид. Ты ведь знаешь, я просто шучу.

С тех пор как меня повысили, его шутки перестали быть такими уж смешными.

Жан-Люк оказался на пороге церкви, когда нам исполнилось по три года. Во всех моих воспоминаниях он присутствовал так или иначе. У нас было общее детство. Общая спальня. Общие знакомства. Общий гнев.

Некогда и наше уважение друг к другу было взаимным. Но то было прежде.

Я отступил, и Жан-Люк демонстративно вытер руки о штаны. Несколько наших братьев засмеялись. Но резко замолкли, увидев выражение моего лица.

– В каждой шутке есть доля правды.

Он присмотрелся ко мне, все еще улыбаясь. Эти бледно-зеленые глаза не упускали ничего.

– Возможно... но разве не велит нам Господь отвергнуть ложь? – Он не дал мне ответить. Как и всегда. – «Говорите истину каждый ближнему своему», гласит он, «потому что все мы части тела единого».

– Я знаю, что сказано в Писании.

– Так зачем же мешать мне глаголить истину?

– Затем, что глаголешь ты слишком много.

Жан-Люк засмеялся громче, открыл рот, готовясь сразить нас очередной своей остротой, но тут, тяжело дыша, его перебил Ансель. Непослушные волосы его вспотели, а к щекам прилила кровь.

– Если что-то *можно* сказать, это еще не значит, что *нужно*. К тому же, – добавил он, рискнув покоситься на меня, – вчера на параде Рид был не один. Равно как и у особняка.

Я в упор уставился в землю. Не стоило Анселю вмешиваться. Жан-Люк оглядел нас обоих с нескрываемым любопытством, а затем воткнул меч в землю и оперся на него. Потом прошелся пальцами по бороде.

– Да, но, похоже, именно Рид воспринимает произошедшее особенно близко к сердцу, верно?

– Хоть кто-то должен. – Эти слова сорвались с уст прежде, чем я смог сдержаться. Я сцепил зубы и отвернулся, чтобы не сказать и не сделать еще чего-нибудь, о чем позднее пожалею.

– Ах вот оно что. – Глаза у Жана-Люка загорелись, и он бодро расправил плечи, забыв про меч и бороду. – Вот в чем тут дело, да? Ты разочаровал Архиепископа. Или Селию?

Раз.

Два. Три.

Ансель нервно переводил взгляд между нами.

– Как и все мы, – сказал он.

– Возможно. – Улыбка Жана-Люка растаяла, и в его глазах блеснуло нечто, чему я не мог найти названия. – Но только Рид – наш капитан. Только Рид наслаждается привилегиями этой должности. Возможно, по справедливости только Рид и должен нести ответственность за произошедшее.

Я бросил меч на стойку.

Четыре.

Пять.

Шесть.

Я заставил себя глубоко вздохнуть, мечтая, чтобы гнев в груди развеялся. Подбородок у меня все еще дергался.

Семь.

«Ты властвуешь над собою. – Голос Архиепископа пришел ко мне из детства. – Гнев не может взять над тобой верх, Рид. Дыши глубже. Считай до десяти. Совладай с собой».

И я повиновался. Медленно, но верно мои плечи расслабились. Жар в щеках остыл. Дыхание выровнялось. Я сжал плечо Жана-Люка, и его улыбка померкла.

– Ты прав, Жан. Виновен я. Я принимаю всю ответственность за это.

Ответить тот не успел – на площадку вышел Архиепископ. Его холодный взгляд нашел меня, и я мгновенно прижал кулак к груди и поклонился. Остальные последовали моему примеру.

В ответ Архиепископ кивнул.

– Вольно, шассеры. – Мы разом поднялись. Когда Архиепископ жестом велел мне подойти ближе, Жан-Люк нахмурился сильнее. – Сегодня по Башне ходит молва о вашем дурном расположении духа, капитан Диггори.

– Прошу прощения, господин.

Он отмахнулся.

– Не стоит. Твой труд не останется напрасным. Мы найдем этих ведьм и выжжем их с лица земли. – Он слегка нахмурился. – В том, что случилось вчера ночью, твоей вины нет. – Жан-Люк сверкнул глазами, но Архиепископ не заметил. – Сегодня я должен буду посетить дневное представление в качестве сопровождающего почетного иностранного гостя короля. Пусть я и не одобряю театр, поскольку это порочное действие подходит лишь для бродяг и плутов, ты пойдешь со мной.

Я утер со лба пот.

– Господин...

– Это была не просьба. Ступай и умойся. Будь готов выезжать в течение часа.

– Да, господин.

Я проследовал за Архиепископом в дом, а Жан-Люк смотрел мне в спину, и я знал, что в глазах его сверкает все то же неназванное чувство. И лишь позднее, когда мы сидели в карете у театра Солей-и-Лун, я позволил себе назвать его. Позволил себе ощутить горький укол сожаления.

Некогда наше уважение друг к другу было взаимным. Но то было прежде, чем пришла зависть.

Взаимовыгодное соглашение

Лу

Когда я проснулась на следующее утро, пыльный чердак уже заливали лучи солнца. Я медленно поморгала, затерявшись в приятном беспамятстве между сном и пробуждением, но подсознание не давало мне покоя. Снизу из театра доносился шум и крики актеров, а из окна слышались радостные голоса. Я нахмурилась, все еще цепляясь за последние крупички сна.

Нынче утром в театре было шумнее обычного.

Я резко села. Каждую субботу в Солей-и-Лун проводили дневной спектакль. Ну как я могла забыть?

Когда я поднималась с кровати, все мое лицо прошило особенно сильной болью. Ах да, вот почему я забыла. Мой нос ведь раскрошили на части, и вчера мне пришлось бегом спасаться от верной смерти.

Снизу зашумели еще громче – началась увертюра.

Я застонала.

Ну вот, теперь до самого конца спектакля с чердака мне не выйти, а я очень хотела в туалет. Обычно было нетрудно тайком пробраться вниз, в уборную, до прибытия актеров и работников, но теперь уже поздно, я все проспала. Я встала, поморщилась от тупой боли в спине и быстро оценила масштаб увечий. Нос точно сломали, а пальцы за ночь распухли вдвое. В целом платье у меня было достаточно нарядное, чтобы получилось незаметно пройти мимо зрителей... вот только пятна крови портили картину. Я облизала здоровые пальцы и стала яростно оттирать кровь, но без толку.

Раздраженно вздохнув, я оглядела стойки с пыльными костюмами и сундук у постели, которую мы делили с Коко. Он был набит шерстяными штанами, шарфами, варежками и шалями, а еще там нашлась пара заплесневелых одеял, которые мы на прошлой неделе откопали среди мусора. Я робко коснулась той стороны кровати, на которой раньше спала Коко.

Надеюсь, она добралась до тетки целой и невредимой.

Качая головой, я повернулась обратно к костюмной стойке и наобум выбрала себе наряд. Коко сможет сама о себе позаботиться. А вот я...

После третьей тщетной попытки снять платье я сдалась. Сломанные пальцы отказывались сгибаться как положено, а выгнуться так, чтобы дотянуться до пуговиц между плеч, ну никак не выходило. В конце концов я просто взяла из ближайшего ларя шапо-бержер⁹ и очки в проволочной оправе и нацепила все это. Вчерашняя бархотка все еще скрывала мой шрам на шее, а плащ прятал почти все пятна. Придется идти так, делать нечего.

Мой мочевого пузырь требовал немедленного облегчения, а писать в углу, как собака, я не желала точно.

К тому же, если вдруг придется быстро убегать, я всегда смогу сунуть в рот кольцо Анжелики. Я подозревала, что в фойе будет слишкомлюдно и там не получится быть невидимой: столкнись с кем-нибудь – и прощай моя маскировка. Нет на свете ничего подозрительней привидения, которое наступает людям на ноги.

Надвинув шляпу пониже, я прокралась вниз по лестнице, которая вела за кулисы. Большинство актеров не обратили на меня внимания. Кроме...

⁹ Шапо-бержер – соломенная шляпа с плоскими широкими полями, украшенная цветами или лентами. – *Примеч. ред.*

– Эй, вам сюда нельзя, – сказала надменная девчонка с крючковатым носом. У нее было круглое лицо, а волосы цветом и видом очень напоминали кукурузный шелк. Когда я обернулась к ней, девушка ахнула. – Господи, что у вас с лицом?

– Ничего. – Я быстро опустила голову, но было поздно.

Девушка подошла ближе, и надменность на ее лице сменилась тревогой.

– Вас кто-то обидел? Может быть, стоит вызвать констеблей?

– Нет, нет. – Я смущенно ей улыбнулась. – Я просто искала туалет и заблудилась, вот и все!

– Туалет в фойе. – Она сощурилась. – Это что у вас на платье, *кровь*? С вами точно все хорошо?

– Просто прекрасно. – Я закивала как ненормальная. – Спасибо!

Ушла я слишком поспешно и этим явно вызвала еще больше подозрений. Головы я не поднимала, но чувствовала чужие взгляды. Видимо, лицо у меня и правда выглядит кошмарно. Наверное, все же стоило сразу воспользоваться кольцом.

В фойе все стало только хуже. Там толпились богатые аристократы и купцы, еще не занявшие свои места. Я жалась по стенам и углам комнаты, чтобы избежать ненужного внимания. К счастью, посетители были слишком увлечены друг другом и меня не замечали. В конце концов, театр Солей-и-лун куда больше любили посещать ради свежих сплетен, а не представлений.

Одна парочка шепталась, что на этот раз дневной спектакль посетит сам Архиепископ. Ну что ж, очередная прекрасная причина поскорей вернуться назад на чердак.

Как патриарх шассеров, Архиепископ возглавлял их духовную борьбу с бельтеррским злом и утверждал, будто сам Господь наказал ему истреблять нечистую силу. Он сжег десятки ведьм, больше, чем кто-либо другой, но все так же не знал покоя и отдыха. Я видела его только раз, издавдала, но этого хватило, чтобы увидеть в его глазах блеск подлинной одержимости.

Я заскочила в уборную прежде, чем кто-нибудь еще успел меня заметить. Справив нужду, я сдернула дурацкую шляпу и встала перед зеркалом. Тут же стало ясно, чем я так потрясла актеров. На моем лице живого места не осталось. Большие фингалы расплылись под глазами, щеки были забрызганы высохшей кровью.

Я смыла кровь холодной водой и долго терла кожу до красноты. В целом сильно краше от этого я не стала.

В дверь вежливо постучали.

– Простите! – смущенно крикнула я. – С желудком беда!

Стук мгновенно прекратился, и женщина за дверью ушла, изумленно и возмущенно ворча. Вот и славно. Мне нужно где-то переждать толпу, и запертый туалет для этого вполне подойдет. Снова бросив хмурый взгляд на свое отражение, я стала отмывать кровь с платья.

Голоса снаружи постепенно стихли, музыка стала громче – представление началось. Осторожно приоткрыв дверь, я выглянула в фойе. Там остались только три швейцара, и, когда я проходила мимо, они кивнули мне, не заметив синяков в темноте.

Почти подойдя к двери за кулисы, я ощутила, как в груди становится не так тесно. Но тут у меня за спиной открылась дверь зала.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, господин? – спросил швейцар.

Незнакомец пробормотал что-то в ответ, и волосы у меня на шее встали дыбом. Я должна была вернуться на чердак. Должна была бежать – все инстинкты подсказывали мне: надо бежать, удирать, уносить ноги, – но нет, вместо этого я обернулась и посмотрела на мужчину, который стоял на пороге. На очень высокого медноволосого мужчину в синем мундире.

– Ты, – прорычал он.

Я и сдвинуться с места не успела, а он уже набросился на меня. Схватил за руки, будто в тиски, и дернул в сторону, отрезая путь к выходу. Я сразу поняла, что вырываться бесполезно

и освободиться не выйдет. Он просто был слишком силен. Слишком крупен. Путь был только один.

Я двинула ему коленом между ног.

Он со стоном согнулся пополам, и его хватка ослабла.

Вырвавшись – и заодно швырнув ему в лицо шляпу, – я кинулась в недра театра. Там, за кулисами, был еще один выход. Сотрудники театра разинув рты смотрели, как я несусь мимо, сшибая ящики и реквизит.

Когда шассер ухватил меня за край плаща, я молниеносно рванула застежку на горле, растегнув ее и не замедлившись ни на миг. Но шассер бежал за мной и дальше, и шаг у него был почти втрое шире моего...

Он схватил меня за запястье, и тут я заметила крючконосую девушку, которую уже видела сегодня. Я рванулась к ней, уронив очки с носа, но шассер только усилил хватку. По моему избитому лицу покатались слезы.

– Помогите мне, пожалуйста!

Крючконосая девица потрясенно уставилась на нас.

– А ну, отпусти ее!

Голоса на сцене тут же резко стихли, и все мы застыли.

Твою мать. Нет, нет, только не это.

Воспользовавшись замешательством шассера, я извернувшись, пытаюсь освободиться, а он случайно коснулся моей груди. Явно ужаснувшись этому, на миг он отпустил меня, но тут же снова ринулся следом и схватил меня за воротник. Я ошарашенно смотрела, как рвется хрупкая ткань моего платья. Шассер наступил мне на юбку и споткнулся. Мы вцепились друг в друга, безуспешно пытаюсь сохранить равновесие.

А потом упали за занавес прямо на сцену.

Зрители дружно ахнули – и замолкли. Никто не смел сделать и вдоха. Даже я.

Шассер, на котором я в этот миг почти лежала, уставился на меня, вытаращив глаза. Я, онемев, наблюдала, как у него на лице бушует целая гамма эмоций. Потрясение. Паника. Унижение. Гнев.

Крючконосая девушка выскочила следом за нами, и тишина нарушилась.

– Ах ты мерзкая свинья!

Шассер отшвырнул меня прочь, будто я его укусила, и я рухнула на мягкое место. Больно. Мое платье распахнулось, и из зала послышались гневные крики. Люди увидели мое лицо в синяках, порванный лиф платья и пришли к собственным выводам. Но мне это было неважно. Я смотрела в зал и чувствовала, как меня захлестывает ужас от мысли о том, *кто* может сейчас находиться в зале и видеть меня. Я ощутила, как от лица отливает кровь.

Крючконосая девушка обняла меня, бережно помогла встать и повела за кулисы. Два крепких работника театра возникли рядом, схватили шассера и поволокли его следом. Толпа при виде этого разразилась одобрительными криками. Я оглянулась, удивляясь, что шассер не сопротивляется, но лицо его было так же бледно, как и у меня.

Девушка взяла с ящика простыню и завернула меня в нее.

– С вами все хорошо?

Я проигнорировала этот нелепейший вопрос. Разумеется, все со мной плохо. Что вообще сейчас произошло?

– Надеюсь, его бросят в тюрьму. – Она смерила свирепым взглядом шассера, который, ошоломленный, так и стоял среди работников театра. Зрители все еще бесновались в зале.

– Не бросят, – сказала я мрачно. – Он ведь шассер.

– Мы расскажем, что случилось. – Девушка вздернула подбородок и указала на других актеров и работников. Они смущенно толпились вокруг, явно не зная, что делать. – Мы всё

видели своими глазами. Хорошо, что ты была здесь, а не где-нибудь еще. – Она, сверкая глазами, посмотрела на мое порванное платье. – Кто знает, что могло произойти?

Я не стала ни в чем ее разубеждать. Мне просто нужно было поскорее уйти. Я всего лишь пыталась сбежать, и у меня оставался последний шанс это сделать. Теперь шассер меня уже не остановит, но скоро должны приехать констебли. И им будет неважно, что там видели зрители. Они заберут меня в тюрьму, и шассеры очень быстро предадут меня суду, как только разберутся в случившемся. И я знала, чем это закончится. Костром.

Я уже решила отбросить все предосторожности и просто кинуться бежать – может быть, сунуть в рот кольцо Анжелики, как доберусь до лестницы, – но тут дверь сцены скрипнула и открылась.

Мое сердце остановилось. В комнату вошел Архиепископ.

Ростом он был меньше, чем мне казалось, но все равно выше меня. Волосы с проседью, глаза – холодно-синие. Они слегка расширились, когда Архиепископ оглядел меня – избитое лицо, растрепанные волосы, простыня на плечах, – а затем сощурились, когда он оценил беспорядок вокруг. Архиепископ с отвращением скривил губы.

Затем кивнул на дверь.

– Оставьте нас.

Работников театра дважды просить не пришлось. Равно как и меня. Я чуть на ровном месте не споткнулась, спеша покинуть комнату, но рука шассера змеей взвилась и схватила меня за локоть.

– Не ты, – отчеканил Архиепископ.

Крючконосая девушка замешкалась, с сомнением оглядывая нас. Но одного взгляда Архиепископа хватило, чтобы она быстро выскочила за дверь.

В тот же миг шассер отпустил меня и поклонился Архиепископу, приложив к груди кулак.

– Это женщина из дома Трамбле, Ваше Высокопреосвященство.

Архиепископ кивнул и снова посмотрел мне в глаза. Снова оглядел мое лицо, снова посу- ровел – будто взвесил меня на весах и нашел очень легкой. Он заложил руки за спину.

– Так, значит, ты и есть наша беглая воровка.

Я кивнула, не смея вздохнуть. Он сказал «воровка». Не ведьма.

– Из-за тебя, дорогая, мы все оказались в весьма любопытном положении.

– Я...

– Молчать.

Я захлопнула рот. Чтобы не спорить с Архиепископом, ума мне еще хватало. Если кто и был выше закона, так это он.

Он медленно подошел ко мне, все так же держа руки за спиной.

– Но воровка ты хитрая, верно? Весьма одаренная в искусстве побега. Как тебе удалось скрыться с той крыши прошлой ночью? Капитан Дигтори уверял меня, что дом был окружен со всех сторон.

Снова это слово. Воровка – не ведьма. Внутри затрепетала надежда. Я посмотрела на медноволосого шассера, но по его лицу невозможно было ничего прочесть.

– Мне... мне помогла подруга, – солгала я.

Он вскинул бровь.

– Твоя подруга-ведьма.

Вдоль моего позвоночника змеей пополз ужас. Но Коко была уже в милях отсюда, в безопасности под сенью Ля-Форе-Де-Ю – Леса Очей. Там шассерам ее ни за что не найти. А даже если бы им это удалось, ковен Коко защитил бы ее.

Я не отвела взгляда, стараясь не дрогнуть, не шевельнуться и ничем не выдать себя.

– Да, она ведьма.

– Каким образом?

– Каким образом она ведьма? – Я знала, что дразнить Архиепископа не стоит, но просто не могла удержаться. – Ну, полагаю, когда ведьма и мужчина сильно-сильно любят друг друга...

Он ударил меня по лицу. Звук пощечины эхом прокатился по пустому залу. Зрители успели разбежаться так же быстро, как и работники. Схватившись за щеку, я устояла на Архиепископа с немой яростью. Шассер нервно шевельнулся рядом со мной.

– Омерзительная девчонка. – Глаза Архиепископа злое расширились. – Каким образом она помогла тебе сбежать?

– Я не стану выдавать ее тайн.

– Ты смеешь скрывать от меня сведения?

С правой стороны сцены послышался стук, и в комнату вошел констебль.

– Ваше святейшество, снаружи собралась толпа. Некоторые посетители и работники театра... отказываются уходить, пока не узнают о судьбе девушки и капитана Диггори. Они начинают привлекать... внимание.

– Мы скоро выйдем. – Архиепископ расправил плечи и поправил рясу, глубоко вздохнув. Констебль поклонился и снова исчез.

Архиепископ вновь повернулся ко мне. Несколько секунд мы просто молча сверлили друг друга взглядами.

– Что же мне с тобой делать?

Я не смела отвечать. На моем лице достаточно уже побоев.

– Ты преступница и являешься с *демонами*. Ты прилюдно оболгала шассера, обвинив его в нападении и... *не только*. – Он снова скривил губы и оглядел меня с осязаемым отвращением.

Я тщетно пыталась не думать о стыде, который закопошился внутри. Все ведь вышло случайно. Я не намеренно подставила этого шассера. И все же... если ошибка зрителей поможет мне избежать костра...

Человеком чести я никогда и не звалась.

– Репутация капитана Диггори висит на волоске, – продолжил Архиепископ. – Я буду вынужден отстранить его от службы, дабы праведность шассеров не оказалась под сомнением. Дабы *моя собственная* праведность не оказалась под сомнением. – Он впился в меня взглядом. Я постаралась изобразить крайнее огорчение, дабы он опять кулаками не размахался. Слегка успокоившись при виде моего покаяния, Архиепископ стал рассказывать туда-сюда. – Что мне с тобой делать? Что мне *делать*?

Ему явно было неприятно смотреть на меня, и все же его холодный взгляд снова и снова ко мне возвращался. Как мотылек к огню. Казалось, он что-то во мне искал, пристально изучая мои глаза, нос, рот. И горло.

К своему ужасу, я поняла, что во время драки с шассером бархотка сползла с моей шеи. Я быстро ее затянула. Архиепископ поджал губы и продолжил меня разглядывать.

Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза при виде бессмысленной борьбы, которая происходила у него внутри. В тюрьму сегодня я не собиралась, равно как и на костер. По некой причине Архиепископ и его питомец решили, что я не ведьма. И разубедить их в этом я определенно была не намерена.

Но оставался открытым вопрос – чего от меня хотел Архиепископ? Чего-то хотел, это точно. Голод в его глазах ни с чем нельзя было спутать, и чем быстрее я пойму его суть, тем скорее смогу использовать это в своих целях. До меня не сразу дошло, что Архиепископ продолжает свою речь.

– ...благодаря твоей уловке. – Он развернулся ко мне, и в лице его вспыхнуло странное торжество. – Вероятно, нам удастся прийти к взаимовыгодному соглашению.

Он умолк, выжидательно глядя на нас.

– Я слушаю, – пробормотала я.

Шассер натянуто кивнул.

– Чудесно. По сути, все очень просто. Я предлагаю вам заключить брак.

Я уставилась на него, разинув рот.

Архиепископ фыркнул, но видно было, что ему вовсе не весело.

– В качестве твоей супруги, Рид, это отвратительное создание всецело будет принадлежать тебе. У тебя будет полное право преследовать и воспитывать ее, особенно после опрометчивых поступков, совершенных ею прошлой ночью. Это окажется вполне ожидаемо. И даже необходимо. Таким образом, никакого преступления ты не совершал. И ты останешься шассером.

Я рассмеялась. Смех вышел отчаянным и хриплым.

– Я ни за кого замуж выходить не стану.

Архиепископ вместе со мной смеяться не спешил.

– Станешь, если хочешь избежать публичной порки и тюрьмы. Я, быть может, и не начальник полиции, однако начальник полиции – мой близкий друг.

Я уставилась на него.

– Вы не можете вот так вынудить меня...

Он отмахнулся от меня, будто от назойливой мухи.

– Всех воров ждет один приговор. Я настоятельно советую тебе как следует поразмыслить об этом, дитя.

Я посмотрела на шассера, стараясь держаться спокойно, хотя к горлу уже подступила паника.

– Ты ведь не можешь хотеть этого. Пожалуйста, попроси его найти другой путь.

– Другого пути нет, – отрезал Архиепископ.

Шассер стоял очень смирно. Кажется, даже дышать перестал.

– Ты мне как сын, Рид. – Архиепископ взял его за плечо. Как мышь, которая утешает слона. Мне даже захотелось рассмеяться в этот миг. – Не отказывайся от своей жизни, от будущего, что ждет тебя в служении, и от клятвы, которую ты принес Господу. Не лишай себя всего из-за этой дикарки. Когда она станет твоей женой, ты сможешь посадить ее под замок в каморку и больше никогда о ней не вспоминать. У тебя будет законное право делать с ней все, что тебе вздумается. – Архиепископ многозначительно посмотрел на него. – Это соглашение так же поможет решить... другие трудности.

Наконец кровь прилила к щекам шассера – да что там, затопила их. Его шея и щеки запылали даже ярче глаз. Он стиснул зубы.

– Господин, я...

Но я его уже не слышала. Мой рот наполнился слюной, зрение затуманилось. Замуж. За шассера. Должен быть другой путь, любой другой...

К горлу подкатила желчь, и сдержаться я не успела – меня обильно стошнило прямо Архиепископу на ноги. Он с криком отвращения отпрыгнул прочь.

– Да как ты смеешь! – Он занес кулак, чтобы снова меня ударить, но шассер успел раньше. Молниеносно он поймал Архиепископа за запястье.

– Если эта женщина станет моей женой, – сказал он, тяжело сглотнув, – вы больше к ней не прикоснетесь.

Архиепископ оскалился.

– Значит, ты согласен?

Шассер выпустил его руку и посмотрел на меня, багровея еще больше.

– Только если и она согласна.

Эти его слова напомнили мне о Коко.

Береги себя.

Только если и ты себя побережешь.

Коко говорила, что мне нужно найти себе защиту. Я посмотрела на медноволосого шассера и на Архиепископа, который все еще потирал запястье.

Возможно, защита нашла меня сама.

Андре, Грю, полиция, *она...* никто из них не сможет меня тронуть, если моим мужем станет шассер. Даже сами шассеры перестанут быть мне угрозой – если я смогу и дальше притворяться обычным человеком. Если смогу не колдовать при них. Они никогда и не узнают, что я ведьма. Я спрячусь на самом видном месте.

Вот только... В придачу к этому у меня будет еще и муж.

Мужа иметь мне не хотелось. Не хотелось связывать себя оковами брака, особенно с таким чопорным ханжой, как этот шассер. Но если брак – мой единственный способ избежать тюрьмы, возможно, это лучший выход. И явно только он поможет мне выйти из этого театра без цепей.

В конце концов, кольцо Анжелики все еще при мне. Я всегда смогу сбежать *после* того, как подпишу свидетельство о браке.

Что ж. Я расправила плечи и вздернула подбородок.

– Я готова.

Церемония

Рид

Крики у театра стали только громче, но я их почти не слышал. В ушах звенела кровь. Она заглушала все: и призывы толпы к правосудию, и слова сочувствия Архиепископа.

Но только не ее шаги. Я слышал каждый.

Они были легки. Легче моих. Но не такие ровные. Не такие мерные.

Я сосредоточился на звуке ее шагов, и постепенно рев в ушах стих. Теперь я слышал и управителя театра, и констеблей, которые пытались уговорить толпу.

Когда Архиепископ открыл двери, я едва не выхватил из ножен балисарду, но сдержался. Ноги у меня свело, кожу одновременно обожгло и жаром и холодом, а потом – чужими взглядами, когда все на улице обернулось к нам. Под локоть меня держала маленькая теплая рука.

Мозолистые ладони. Пальцы тонкие, два из них перевязаны. Я пригляделся – они были сломаны.

Поднять взгляд выше пальцев я не посмел. Ведь тогда пришлось бы взглянуть на ее плечи, а затем и на лицо. И я знал, что там увижу. Синяки под глазами, свежую ссадину на щеке. Шрам над бровью. И еще один – на горле. Она пыталась его скрыть, но он все равно виднелся из-под черной ленты.

Мне вспомнилось лицо Селии. Чистое, без единого изъяна.

О Господи. *Селия.*

Архиепископ шагнул вперед, и толпа мгновенно затихла. Хмурясь, он вывел меня вперед. Девушка же, эта дикарка, все так же крепко цеплялась за меня. А я все так же отказывался на нее смотреть.

– Братья! – Голос Архиепископа пронесся над примолкшей улицей, и еще больше людских глаз обратились к нам. Дикарка вжалась в меня. Я, нахмурившись, взглянул на нее. Глаза у нее были широко распахнуты, зрачки расширены. Ей было страшно.

Я отвернулся.

– *Ты не можешь отдать мне свое сердце, Рид. Я не сумею с этим жить.*

– *Селия, прошу...*

– *Чудовища, что убили Пип, все еще на свободе. Они должны быть наказаны. Таков твой долг, и я не стану тебе помехой. Пусть твое сердце принадлежит братству. Прошу тебя, прошу, забудь меня.*

– *Я никогда бы не смог забыть тебя.*

От нахлынувшего отчаяния я чуть не рухнул наземь. Селия никогда не простит мне этого.

– Ваше волнение о судьбе этой женщины ведомо и угодно Господу. – Архиепископ распростер руки, будто в мольбе. – Но прошу, не поддавайтесь обману. Прошлой ночью она пыталась ограбить знатного господина, подобного вам, а когда сегодня утром супруг хотел наказать ее за это, она осмелилась сбежать от него. Не стоит жалеть эту женщину, дети мои. *Помолитесь о ней.*

Девушка в первых рядах толпы смотрела на Архиепископа с неприкрытым отвращением. Стройная. Светловолосая. С крючковатым носом. Я напрягся, узнав ее – ту девушку из-за кулис.

«Ах ты мерзкая свинья!»

Будто почувствовав мой взгляд, она посмотрела на меня и сощурилась. Я взглянул на нее, тщетно пытаясь забыть ее гневные слова.

«Надеюсь, его бросят в тюрьму. Кто знает, что могло произойти?»

Я сглотнул и отвернулся. Разумеется, так все и выглядело. Дикарка была хитра, а я до смешного легко позволил выставить себя в дурном свете. Угодил прямо в ловушку. Я мысленно чертыхнулся, мечтая выдернуть руку из хватки девчонки. Но нельзя. Слишком много людей смотрело на нас, а Архиепископ очень четко изложил свой приказ.

– Сразу по возвращении мы должны будем исповедаться в этом обмане, – сказал он тогда, хмурясь и расхаживая туда-сюда. – Люди должны поверить, что вы *уже* женаты. – Он резко обернулся к ней. – Правильно ли я полагаю, что грехи твои не отпущены?

Когда дикарка не ответила, он нахмурился еще больше.

– Я так и думал. Мы немедленно должны управиться с тем и другим, а затем направиться сразу к Долеру на крещение. Рид, пока ваш союз не будет официально узаконен, ты должен вести себя как ее муж. Сними вон то кольцо у нее с правой руки и надень на левую. Иди рядом с ней до тех пор, пока толпа не разойдется. И, бога ради, верни ей плащ.

Дикарка повертела на пальце то самое кольцо. Переступила с ноги на ногу. Коснулась пряди у лица. Остальные волосы были собраны в путаный пучок у нее на затылке – дикие, шальные. Совсем как она сама. Просто отвратительно.

– Молю вас, люди, увидеть в этой женщине учение Господне, – повысил голос Архиепископ. – Пусть ее порочность послужит вам уроком! Жены, будьте покорны мужьям своим. Покайтесь в своей греховной природе. Лишь тогда станете вы едины с Богом!

Несколько человек в толпе покивали, что-то согласно бормоча.

«Это верно. Я всегда и сам так говорил».

«Женщины нынче ничем не лучше ведьм».

«Только деревом с ними и можно сладить, будь то розга или костровый столб».

У светловолосой девушки из-за кулис был такой вид, будто она хотела накинуться на Архиепископа. Она оскалилась, сжала кулаки, но затем отвернулась.

Дикарка напряглась и до боли сжала мне руку. Я свирепо посмотрел на нее, но она не отпустила. Тогда-то я и учуял запах – слабый, невесомый, едва заметный. Но все же очевидный, трепещущий на ветру. То было зловоние колдовства.

Архиепископ застонал.

Я обернулся как раз в тот миг, когда он согнулся пополам и схватился за живот.

– Господин, вы... – начал я и тут же осекся.

Архиепископ оглушительно громко испортил воздух. Он вытаращил глаза и залился краской, а в толпе тут же зашептались. С изумлением. С отвращением. Архиепископ резко выпрямился, попытался оправить рясу, но снова согнулся пополам, и все повторилось. Я, не зная, что еще делать, коснулся ладонью его спины.

– Господин...

– Оставь меня! – прорычал он.

Я отпрянул и свирепо уставился на дикарку, которая тряслась от беззвучного смеха.

– Прекрати смеяться! – прошипел я.

– Даже если б хотела, не смогла бы. – Она схватилась за бок и фыркнула. С нарастающей неприязнью я оглядел ее, а затем наклонился и вдохнул ее запах. Корица. Не колдовство. Я тут же отстранился, а она засмеялась еще пуще.

– Уже один этот момент – вот этот самый, – возможно, стоил того, чтобы выйти за тебя, шасс. Я буду вечно хранить его в памяти.

Архиепископ настоял, чтобы мы отправились крестить дикарку пешком. Сам он поехал на карете.

Когда он исчез из виду, она хмыкнула и пинком забросила камешек в ближайшую урну.

– У этого мужлана голова так прочно застряла в заднице, что и не вытащишь уже.

Я стиснул зубы. *Держать себя в руках. Сохранять спокойствие.*

– Не смей говорить о нем неуважительно.

Она ухмыльнулась и запрокинула голову, чтобы оглядеть меня. А потом – подумать только – встала на цыпочки и щелкнула меня по носу. Я ошарашенно отпрянул и почувствовал, как полыхает лицо. Она усмехнулась еще шире и пошла вперед.

– Ты мне не хозяин, шасс, так что буду делать что хочу.

– Ты скоро станешь моей женой. – Нагнав девчонку в два шага, я хотел схватить ее за локоть, но не решился ее коснуться. – Это значит, что ты должна будешь мне повиноваться.

– Да неужто? – Она вскинула брови, все еще с усмешкой. – А еще, полагаю, это значит, что ты будешь меня чтить и защищать, да? Если уж мы всерьез собрались следовать этим твоим доисторическим патриархальным законам?

Я сбавил шаг, чтобы идти вровень с ней.

– Да.

Она хлопнула в ладоши.

– Ну и прекрасно. По крайней мере, это должно быть весело. У меня много врагов.

Я не удержался и посмотрел на синяки вокруг ее глаз.

– Могу себе представить.

– На твоём месте представлять я бы не стала. – Она сказала это так буднично, беспечно, будто мы обсуждали погоду. – Не то потом неделями кошмары будут сниться.

Вопросы буквально жгли мне горло, но я не стал их задавать.

Судя по всему, дикарка была не против помолчать. Ее глаза бегали, оглядывая все сразу. Платья и шляпы на витринах магазинов. Абрикосы и фундук на лотках торговцев. Грязные окна маленькой пивной, перемазанные сажей лица детей, гонявших голубей на улице. На каждом повороте в лице дикарки вспыхивало новое чувство. Приязнь. Тоска. Восторг.

Наблюдать за ней было до странности утомительно.

Несколько минут спустя я не выдержал и кашлянул.

– Это один из них наградил тебя такими синяками?

– Один из кого?

– Из твоих врагов.

– А, – сказала она беззаботно. – Да. Их было даже двое, кстати.

Двое? Я недоверчиво уставился на нее. Попытался представить это крохотное создание в драке против сразу двоих – а потом вспомнил, как она подловила меня за сценой и обманом убедила зрителей, что я на нее напал. Я нахмурился. Да, она явно способна на многое.

Мы добрались до окраины Восточной стороны, и улицы стали шире.

Вскоре впереди в свете яркого полуденного солнца засверкал Долер. Архиепископ ждал нас у кареты. К моему удивлению, с ним был Жан-Люк.

Ну разумеется. Кому, как не ему, быть этому свидетелем.

При виде друга осознание реальности всего происходящего обрушилось на меня, как мешок кирпичей. Я в самом деле вот-вот женюсь на этой женщине. На этом... существе. На дикарке, которая лазает по крышам, грабит аристократов, дерется, одевается как мужчина и имя носит соответствующее.

Она была совсем не похожа на Селию. Человека, менее похожего на Селию, Господь просто не мог сотворить. Селия кротка и благовоспитанна. Учтива. Добродетельна. Сердечна. Никогда в жизни она не опозорила бы меня, не устроила бы такую сцену.

Я посмотрел на свою будущую жену. Разорванное и окровавленное платье. Избитое лицо, сломанные пальцы. Шрам на горле. И усмешка, при виде которой становилось ясно, каким образом она заполучила все свои увечья.

Она изогнула бровь.

– Любуешься?

Я отвернулся. Когда Селия узнает, что я натворил, ее сердце будет разбито. Она заслуживает лучшего. Лучшего мужчины, чем я.

– Пойдемте. – Архиепископ жестом указал нам на безлюдный берег. Единственными зрителями на нашей церемонии были дохлая рыба и стая голубей, которые лакомились ею. Скелет рыбины торчал из сгнившей плоти, а уцелевший глаз смотрел в ясное ноябрьское небо. – Покончим с этим. Сначала ее необходимо крестить по велению нашего Господа, дабы не преткнулись вы под ярмо, будучи неравными, ибо нет общения у света с тьмой.

Ноги у меня налились свинцом, и каждый шаг по песку и грязи давался с невероятным трудом. Следом за мной по пятам шел Жан-Люк. Я чувствовал, как он усмехается. Не хотелось и представлять, что он теперь думает обо мне и обо всем этом.

Поколебавшись, Архиепископ шагнул в серую воду. Он оглянулся на дикарку, и впервые в его глазах мелькнула тень сомнения. Будто он не был уверен, что она шагнет за ним. «Передумай, пожалуйста, – взмолился я про себя. – Забудь это безумие и брось ее в тюрьму, где ей самое место».

Но тогда меня лишат всего. Балисарды. Жизни. Обетов. Цели и предназначения.

Тихий неприятный голосок на задворках моего разума насмешливо хмыкнул. «Он запросто мог бы помиловать тебя, если бы только захотел. Никто не стал бы оспаривать его решение. Ты остался бы шассером и без женитьбы на преступнице».

Но почему же тогда он поступил иначе?

От самой этой мысли меня захлестнула досада. Разумеется, он не мог просто помиловать меня. Люди поверили, что я посягнул на честь этой девчонки. Неважно, что этого не было. Они сочли, что было. Даже если бы Архиепископ все объяснил народу, даже если бы она сама во всем созналась – люди бы стали шептаться. Стали бы сомневаться. Утратили бы беспрекословную веру в непорочность шассеров. Хуже того, они усомнились бы и в самом Архиепископе. В том, что им движет.

Мы уже погрязли в этой лжи. Уже объявили людям, что она моя жена. Если станет известно обратное, Архиепископа назовут лжецом. Этого нельзя допустить.

Хочется мне того или нет, эта дикарка станет моей женой.

Она шагнула следом за Архиепископом, топнув ногой, будто лишний раз подчеркивая эту истину. Вода брызнула Архиепископу в лицо, и он нахмурился, утерев ее.

– Какой любопытный поворот событий. – Жан-Люк наблюдал за дикаркой, и в глазах его плескался смех. Девчонка, похоже, о чем-то спорила с Архиепископом. Ну естественно.

– Она... меня провела. – Мне было больно сознаваться в этом.

Вдаваться в подробности я не стал, и Жан-Люк обернулся ко мне. Смех в его глазах померк.

– А что же Селия?

Я насилу ответил, ненавидя себя за эти слова:

– Селия знала, что нам с ней не суждено пожениться.

О том, как она меня отвергла, я ему не рассказывал. Насмешки Жана-Люка я бы не вынес. Или хуже того – жалости. Однажды, после смерти Филиппы, он спросил, каковы мои намерения касательно Селии. Вспомнив об этом, я ощутил, как стыд прожигает меня изнутри. Тогда я солгал ему, сказал, что мои обеты для меня важнее всего. Что я никогда не стану жениться.

И вот чем все обернулось.

Жан-Люк поджал губы, пристально глядя на меня.

– И все же мне... жаль. – Он бросил взгляд на дикарку, которая тыкала Архиепископу в нос сломанным пальцем. – Брак с подобным созданием будет... непростым.

– А бывает ли простым любой брак на свете?

– Возможно, и нет, но эта девчонка, похоже, особенно несносна. – Он вяло улыбнулся мне. – Как я понимаю, теперь ей придется поселиться в Башне?

Ответить ему улыбкой я не смог.

– Да.

Он вздохнул.

– Жаль.

Мы молча наблюдали, как лицо Архиепископа все больше каменеет. В конце концов он потерял терпение, схватил дикарку за затылок и дернул к себе. А потом окунул в воду и задержал ее там на секунду дольше, чем должен был.

Я никак не мог винить его за это. Чтобы очистить от скверны душу этой девчонки, времени потребуется больше обычного.

На две секунды дольше.

Казалось, в душе Архиепископа бушует борьба. Он трясся, пытаясь удержать ее под водой, а глаза его были... безумны. Неужели он решил...

Три секунды.

Я кинулся в воду, Жан-Люк – за мной. Мы бросились к ним, но волновались зря. Архиепископ выпустил дикарку, как раз когда мы добрались до них, и она вырвалась на поверхность, шипя, как злобная кошка. С ее волос, лица и платья стекала вода. Я хотел помочь ей устоять на ногах, но она меня оттолкнула. Я отступил на шаг, а она, разбрызгивая воду, развернулась к Архиепископу.

– Fils de pute¹⁰!

Я не успел остановить дикарку, и она набросилась на него. Архиепископ вытаращил глаза, утратил равновесие и рухнул спиной в воду, размахивая руками. Жан-Люк поспешил ему помочь. Я схватил дикарку и пригвоздил ее руки к бокам, пока она не успела снова толкнуть Архиепископа.

Она как будто даже не заметила.

– Connard! Salaud!¹¹ – Дикарка билась в моих руках, повсюду разбрызгивая воду. – Я тебя прикончу! Сдерну с тебя эту ряску и тебя же ею придушу, уродливая ты, вонючая мразь...

Все втроем мы уставились на нее, разинув рты. Первым оправился Архиепископ. Побегровев, он прохрипел:

– Как ты *смеешь* так говорить со мной?!

Он отшатнулся от Жана-Люка и ткнул пальцем ей в лицо. Я понял его ошибку за миг до того, как девчонка кинулась вперед. Я схватил ее крепче и не позволил вцепиться зубами ему в палец.

Я женюсь на диком животном.

– А ну, отпусти! – Она ударила меня локтем в живот.

– Нет, – не столько сказал, сколько придушенно выдохнул я, но все же не дал ей освободиться.

Она то ли зарычала, то ли закричала от досады, а потом милосердно уgomонилась. Я мысленно поблагодарил Господа за это и потащил ее обратно на берег.

Вскоре к нам присоединились Архиепископ и Жан-Люк.

– Благодарю тебя, Рид, – выдохнул Архиепископ, отжимая свою ряску и поправляя крест на шее. Когда он наконец обратился к этой чертовке, в его лице отразилось бесконечное презрение. – Нам стоит заковать тебя в кандалы на время церемонии? Может быть, раздобыть намордник?

– Вы пытались меня *убить*.

Он посмотрел на нее свысока.

– Поверь, дитя, если бы я пожелал тебя убить, ты была бы уже мертва.

¹⁰ Сукин сын! (фр.)

¹¹ Мудак! Сволочь! (фр.)

Ее глаза вспыхнули.

– Взаимно.

Жан-Люк с трудом сдержал смех.

Архиепископ шагнул вперед, сощурившись.

– Отпусти ее, Рид. Я хотел бы как можно скорее покончить с этим черным делом.

С удовольствием.

К моему удивлению – и разочарованию, – она не сбежала, когда я ее отпустил. Просто скрестила руки на груди, поочередно смерив каждого из нас взглядом. Упрямо. Угрюмо. С безмолвным вызовом.

Подходить к ней мы не рисковали.

– Давайте побыстрее уж, – проворчала она.

Архиепископ склонил голову.

– Подойдите ко мне и возьмитесь за руки.

Мы уставились друг на друга. И оба не сдвинулись с места.

– Скорей же.

Жан-Люк грубо толкнул меня в спину, и я покорно сделал шаг и с немой яростью посмотрел на дикарку. Она не желала идти навстречу. Она ждала.

Спустя несколько долгих секунд девчонка закатила глаза и наконец шагнула вперед. Когда я протянул ей свои руки, она уставилась на них так, будто я был прокаженным.

Один.

Я заставил себя дышать. Вдох через нос. Выдох через рот.

Два.

Она нахмурилась и взглянула на меня с изумлением, явно сомневаясь в моих умственных способностях.

Три.

Четыре.

Она взяла меня за руки. Сморщилась, будто от боли.

Пять.

Я запоздало понял, что ей и в самом деле больно, и тут же отпустил ее сломанные пальцы.

Шесть.

Архиепископ кашлянул.

– Начнем же. – Он обернулся ко мне. – Согласен ли ты, Рид Флорин Дигтори, взять эту женщину в свои законные жены, дабы разделить с ней свою жизнь в священном таинстве брака? Будешь ли ты любить ее, служить ей утешением, чтить и оберегать ее в болезни и здравии, будешь ли ты верен ей до конца ваших дней?

Я уже ничего не видел вокруг себя, кроме одной-единственной белой голубки среди прочих птиц. Голова у меня закружилась. Все смотрели на меня, ждали ответа, но мое горло сжалось. Мне не хватало воздуха.

Я не могу жениться на этой женщине. Просто не могу. Эта мысль пришла мне на ум и впилась глубоко, стиснув в когтях все мое существо. Должен быть иной путь... *любой* иной путь...

Маленькие теплые пальцы сжали мои. Я поднял взгляд и увидел перед собой пронзительные сине-зеленые глаза дикарки. Сейчас в них было больше синевы. Больше холодной стали. Воды Долера отражались в них. Она едва заметно кивнула.

И в этот короткий миг я осознал: все сомнения, нерешительность, горечь о будущем, которому уже не бывать, – все это испытывала и она. Исчезла шипящая кошка. Осталась лишь женщина. Она была так мала. Испугана. И сильна.

И меня она просила тоже найти в себе силы.

Не знаю, почему я сделал это. Она была воровкой, преступницей, и я был ей ничем не обязан. Она разрушила мою жизнь, когда вытащила на ту сцену. И я знал, что, если соглашусь, эта дикарка наверняка продолжит в том же духе.

Но все же я стиснул ее руки в ответ. Ощутил, как к устам подступают два простых непрощенных слова:

– Я согласен.

Архиепископ обернулся к девушке. Я продолжал сжимать ее руки, стараясь не задеть сломанные пальцы.

– Как тебя зовут? – спросил он резко. – Полное имя?

– Луиза Марго Ляру.

Я нахмурился. «Ляру». Эта фамилия была распространена среди преступников Восточной стороны, но чаще всего использовалась как псевдоним. Она буквально означала «улицу».

– Ляру? – Архиепископ смерил ее подозрительным взглядом, озвучив мои собственные сомнения. – Тебе стоит знать, что, если это имя окажется ложным, твой с капитаном Диггори брак будет аннулирован. Нет нужды напоминать, какая судьба ожидает тебя в таком случае.

– Я закон знаю.

– Что ж, хорошо. – Он махнул рукой. – Согласна ли ты, Луиза Марго *Ляру*, взять этого мужчину в свои законные мужья, дабы разделить с ним свою жизнь в священном таинстве брака? Будешь ли ты повиноваться и служить ему, будешь ли ты любить, чтить и оберегать его в болезни и здравии, будешь ли ты верна ему до конца ваших дней?

Я видел в лице дикарки насмешку, но она сдержалась и вместо очередного язвительного ответа только пнула песок в птиц. Они с тревожными криками разлетелись прочь. Когда вспорхнула голубка, у меня к горлу подкатил ком.

– Согласна.

Архиепископ, не медля, продолжил:

– Властью, данной мне, я объявляю вас мужем и женой, во имя Отца и Сына и Святого духа. – Он замолчал, и в ожидании следующих слов все внутри меня натянулось как струна. Будто прочтя мои мысли, Архиепископ едко посмотрел на меня. Я снова ощутил, как пылают щеки.

– Ибо, как гласит Господь... – Он сложил руки вместе и склонил голову. – Двоим лучше, нежели одному; ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него и нитка, втрое скрученная, нескоро порвется.

Мрачно улыбнувшись, Архиепископ расправил плечи.

– Дело сделано. Что Бог сочетал, пусть человек да не разлучает. По возвращении мы подпишем свидетельство о браке, и все будет готово.

Он двинулся к своей карете, но остановился и смерил меня хмурым взглядом.

– Разумеется, чтобы брак был официально узаконен, его необходимо консуммировать.

Дикарка застыла рядом со мной, поджав губы и остро, с вызовом глядя на Архиепископа. Меня захлестнул жар. Он был горячее и яростнее прежнего.

– Да, Ваше Высокопреосвященство.

Он довольно кивнул и шагнул в карету. Жан-Люк сел в нее следом, подмигнув мне. Унижение усугубилось еще больше, если такое вообще было возможно.

– Славно. – Архиепископ захлопнул дверь кареты. – Пусть это свершится быстро. Позднее свидетель посетит вашу комнату, чтобы все подтвердить.

У меня внутри екнуло, а Архиепископ, не сказав больше ни слова, умчался прочь.

Часть II

Petit à petit, l'oiseau fait son nid.
Мало-помалу вьет птица гнездо.
– *французская пословица*

Консуммация

Лу

Собор Сан-Сесиль де Цезарин зловеще высился передо мной во множестве своих шпи-лей, башен и полуарок. Витражные окна грозно сверкали в солнечном свете. Резные двери из розового дерева в белом камне распахнулись, когда мы поднялись по ступеням, и наружу выбежали несколько шассеров.

– Веди себя прилично, – буркнул мой новоиспеченный супруг. Я хмыкнула, но промолчала.

Один из шассеров шагнул ко мне.

– Представьтесь.

– Э...

Мой муж чопорно опустил голову.

– Это моя жена Луиза.

Я уставилась на него, изумившись, что он вообще ухитрился сказать хоть что-то, так крепко стиснув зубы. Как обычно, он не обратил на меня внимания.

Шассер передо мной моргнул. Потом моргнул еще разок.

– Ваша... ваша *жена*, капитан Диггори?

Муженек едва заметно кивнул, и я всерьез обеспокоилась судьбой его зубов. Если он будет и дальше сжимать их как тиски, то точно все пообломает.

– Да.

Шассер осмелился посмотреть на меня.

– Это... весьма неожиданно. Архиепископ знает, что вы?..

– Он нас ожидает.

– Конечно. – Шассер обернулся к пажу, который как раз возник рядом. – Сообщи Архиепископу, что прибыли капитан Диггори и его... жена. – Мальчик-паж убежал, а шассер опять украдкой покосился на меня. Я ему подмигнула. Супруг нетерпеливо рыкнул, схватил меня за локоть и силком повел к двери.

Я вырвала руку.

– Калечить меня совершенно необязательно.

– Я же сказал тебе вести себя *прилично*.

– Умоляю, я же просто ему подмигнула, а не стала раздеваться и петь «Грудастую Лидди»...

Где-то сзади слышалось волнение, и мы разом обернулись. По улице маршировали шассеры и несли с собой нечто похожее на тело. Для приличия его завернули в ткань, но руку, которая свисала с края, ни с чем перепутать было нельзя. Равно как и лозы, проросшие меж пальцев бедолаги. И кору, которая покрыла его кожу.

Я наклонилась ближе, хоть муж и потянул меня назад, и вдохнула знакомый сладкий запах, исходивший от тела. Любопытно.

Один из шассеров быстро спрятал руку под ткань.

– Мы нашли его за окраиной города, капитан.

Муженек, ничего не говоря, резко кивнул в сторону аллеи у церкви, и шассеры поспешили уйти.

Он повел меня внутрь, но я, вытянув шею, смотрела им вслед.

– Что все это значит?

– Не твое дело.

– Куда они его несут?

– Я сказал, не твое...

– Довольно. – Архиепископ вошел в фойе и с отвращением оглядел лужу грязи у моих ног. Он, разумеется, уже успел переодеться в чистую рясу и смыть с лица грязь и песок. Я хотела оправить разорванное платье и причесать пятерней спутанные волосы, но сдержалась. Неважно, как я выгляжу, пусть Архиепископ ко всем чертям катится со своим мнением по этому поводу. – В моем кабинете вас ждет свидетельство о браке. Откуда можно забрать твои вещи?

С деланным безразличием я отжала мокрые волосы.

– У меня их нет.

– У тебя... их нет, – повторил он медленно, с неодобрением оглядывая меня.

– Да, именно так я и сказала. Разве что вам с приятелями захочется прошерстить чердак Солей-и-Лун. Я уже пару лет одалживаю там костюмы.

Он нахмурился.

– Иного я и не ждал. Однако более приличный наряд мы определенно тебе подберем. Я не стану бесчестить Рида, позволяя его жене выглядеть дикаркой, пусть даже таковой она и является.

– Да как вы смеете? – Я подхватила подол своей юбки, насмешливо изображая оскорбленный вид. – Я, между прочим, теперь богобоязненная христианка...

Муж утащил меня прочь прежде, чем я успела сказать еще что-нибудь.

Клянусь, я слышала, как у него хрустнул-таки зуб.

Наскоро подписав свидетельство о браке в кабинете, муженек повел меня по узкому пыльному коридору, явно избегая людного фойе. В самом деле, упаси господь, еще кто увидит его новую женушку. По Башне уже наверняка вовсю разгулялись слухи об этом скандале.

Мое внимание привлекла винтовая лестница в конце коридора. В отличие от старых розово-деревянных лестниц, которые ютились тут и там по всему собору, эта оказалась металлической и явно была построена позже всего остального. И что-то было там... витало в воздухе над лестницей... Я потянула мужа за локоть и украдкой принялась.

– Куда она ведет?

Он обернулся и проследил за моим взглядом, а затем резко качнул головой.

– Ты туда все равно не пойдешь. Дальше спален тебе ходить не дозволено. Чтобы подняться на верхние этажи, нужно иметь особое разрешение.

Вот как. Значит, я точно в деле.

Однако больше ничего я не сказала и позволила ему провести меня по нескольким лестничным пролетам к простой деревянной двери. Не оглянувшись на меня, он толкнул ее. Я задержалась снаружи – смотрела на слова, высеченные над дверью:

ВОРОЖЕИ НЕ ОСТАВЛЯЙ В ЖИВЫХ

Меня пробрала дрожь. Значит, вот она – печально известная Башня шассеров. И хотя коридор за дверью внешне ничем не отличался от прочих, в воздухе витал некий дух... аскетизма. Здесь недоставало тепла и дружелюбия. Это место казалось холодным и чопорным – совсем как мужчины, что его населяли.

Мгновение спустя муженек выглянул обратно и перевел взгляд с жуткой надписи на меня.

– Что случилось?

– Ничего. – Я поспешила за ним и переступила порог, стараясь не обращать внимания на холодные мурашки ужаса, которые побежали по спине. Теперь пути назад уже нет. Я оказалась в пасти зверя.

А скоро окажусь и в его постели.

Да черта с два.

Муж провел меня по коридору, намеренно стараясь ко мне не прикасаться.

– Сюда. – Он указал на одну из множества дверей, которые рядом выстроились вдоль стены. Я протолкнулась мимо него в комнату – и застыла как вкопанная.

Это была не комната, а спичечный коробок. До ужаса простой и унылый крохотный спичечный коробок без вообще каких бы то ни было отличительных черт. Белые стены, темный пол. Кровать, стол – и все. Хуже того, личных вещей у моего супруга тоже никаких не оказалось: ни безделушек, ни книг, ни даже корзины для белья. Заметив узкое окно, расположенное слишком высоко, чтобы через него смотреть на закат, я буквально почувствовала, как внутри меня что-то умирает.

Судя по всему, мой муж – самый унылый чурбан на свете.

Дверь со щелчком закрылась за моей спиной. Была в этом звуке какая-то беспросветная безысходность – будто за мной захлопнулась дверь темницы.

Краем глаза я заметила движение и резко обернулась, но мой супруг только медленно поднял руки, будто успокаивал дикую кошку.

– Я просто снимаю мундир. – Он вытряхнулся из промокшего одеяния и набросил его на стол, а затем принялся расстегивать нагрудный ремень.

– На этом можешь остановиться, – сказала я. – Больше... больше одежду снимать не надо. У него на лице заиграли желваки.

– Я не стану брать тебя силой... – Муженек с неприязнью сморщил нос. – ...Луиза.

– Я Лу. – Услышав это, он ощутимо содрогнулся. – Тебе что, неприятно мое имя?

– Мне неприятно все, что связано с тобой. – Он вытащил стул из-за стола и сел, тяжело вздохнув. – Ты преступница.

– Незачем тут лицемерить, шасс. Ты здесь оказался по своей собственной милости, а не по моей.

Он нахмурился.

– Но виновата ты.

Я пожала плечами и уселась на его безупречно заправленную кровать. Он сморщился, увидев, что я платьем намочила лоскутное одеяло.

– Надо было просто отвязаться от меня в театре.

– Я не знал, что ты хотела... что ты решила меня оболгать...

– Я ведь преступница, – напомнила я, не утруждая себя объяснениями о том, что я не нарочно. Теперь это уже все равно было неважно. – Вот и веду себя соответственно. Тебе стоило бы догадаться.

Он сердито указал на мои синяки и сломанные пальцы.

– И куда тебя завела твоя преступная жизнь?

– Я ведь еще жива, верно?

– Точно жива? – Он изогнул медную бровь. – Потому что вид у тебя полумертвый.

Я беспечно отмахнулась и фыркнула.

– Профессиональный риск.

– Теперь он тебе не грозит.

– Что-что?

Его глаза вспыхнули.

– Теперь ты моя жена, пусть даже мы оба от этого не в восторге. Ни один мужчина больше не посмеет тебя коснуться.

После этих слов мы напряженно примолкли.

Я присмотрелась к нему повнимательней, встала и подошла к столу, растягивая губы в улыбке. Муж сурово взглянул на меня, но, когда я наклонилась ближе, дыхание у него сбилось, а взгляд опустился к моим губам. Даже сидя он был почти что выше меня.

– Вот и славно, – сказала я, потянувшись к ножу у него на ремне и прижала его к горлу шассера прежде, чем тот успел шевельнуться. Затем вдавила кончик лезвия поглубже, ровно настолько, чтобы слегка царапнуть кожу. Рука шассера крепко вцепилась в мое запястье, но отталкивать меня он не стал. Я наклонилась еще ближе. Теперь наши губы почти соприкасались. – Однако тебе стоит знать, – выдохнула я, – что если *любой* мужчина коснется меня без моего согласия, я его как рыбину вскрою. – Я помолчала картинности ради, а затем провела ножом от его горла до пупка и еще ниже. Он громко сглотнул. – Даже если этот мужчина – мой муж.

– Мы должны консуммировать брак, – сказал он тихо и резко – со злобой. – Ни я, ни ты не можем допустить, чтобы он был расторгнут.

Я оттолкнула его и задрала рукав. Затем, все так же глядя ему в глаза, полоснула себя по предплечью острием кинжала. Шассер хотел меня остановить, но было поздно – хлынула кровь. Я сорвала с его кровати покрывало и окропила кровью постельное белье.

– Вот, пожалуйста. – Я направилась в уборную, не обращая внимания на его потрясенное лицо. – Консуммировали.

Я смаковала боль в предплечье, наслаждалась ею. Она казалась настоящей в отличие от всего остального, что произошло со мной в этот злосчастный день. Я нарочито медленно отмывала руку, а когда закончила, то замотала ее в ткань, которую взяла из шкафа в углу.

Теперь я замужняя женщина.

Если бы кто сказал мне сегодня утром, что к закату я буду замужем, я бы рассмеялась этому человеку в лицо. Рассмеялась и заодно плюнула бы еще, скорее всего.

Шассер постучался в дверь.

– С тобой все хорошо?

– Господи, да оставь ты меня в покое.

Дверь скрипнула.

– Ты в приличном виде?

– Нет, – солгала я.

– Я вхожу. – Сначала он только заглянул и нахмурился, увидев, сколько натекло крови. – Неужели это было так обязательно?

– Я абы как ничего не делаю.

Муж стянул повязку и оглядел мой порез, а я при этом тарасилась прямо ему в грудь. Переодеться он еще не успел, поэтому мокрая рубашка липла к его телу, чем особенно сильно меня отвлекала. Я заставила себя вместо этого посмотреть на ванну, но мыслями снова и снова возвращалась к нему. Как же он все-таки был высок. До странности высок. Уж точно слишком высок для такой крохотной комнатухи. Я даже задумалась, уж не болен ли он чем-нибудь. И снова уставилась ему в грудь. Может, и болен.

– Теперь все подумают, что я тебя тут убил. – Он сменил мне повязку, снова открыл шкафчик и взял оттуда еще одну тряпку, чтобы вытереть пол и раковину. Я закончила обворачивать руку тканью и стала ему помогать.

– А с уликами что будем делать? – Я вытерла окровавленные руки о подол.

– Сожжем. Внизу есть печь.

У меня загорелись глаза.

– Да! Я как-то подожгла целый склад. Всего одна спичка – а полыхало-то как!

Он в ужасе уставился на меня.

– Ты подожгла *склад*?

У них всех тут определенно какие-то проблемы со слухом.

– Я ведь так и сказала, разве нет?

Он покачал головой и завязал тряпку в узел.

– Твое платье, – сказал он, не глядя на меня. Я опустила взгляд и посмотрела на свой наряд.

– Что?

– Оно все в крови. От него тоже нужно избавиться.

– Вот еще. – Я фыркнула и закатила глаза. – У меня другой одежды нет.

– Это твои проблемы. Давай его сюда.

Я свирепо уставилась на него. Он ответил мне тем же.

– У меня нет другой одежды, – повторила я медленно. Да, совершенно точно проблемы со слухом.

– Стоило подумать об этом прежде, чем вспарывать себе руку. – Он настойчиво протянул ладонь.

Прошла еще секунда.

– Ну что ж, ладно. – С моих губ сорвался безумный смешок. – Ладно! – В эту игру могут играть и двое. Я попыталась стянуть платье через голову, но помешали пальцы – все еще больные и онемевшие. Мокрая ткань сдавила мне шею петлей, чуть не придушив, а я едва не сломала все остальные пальцы, пытаясь ее сдернуть.

И вдруг рядом возникли сильные руки и стали мне помогать. Я резко отскочила, и платье порвалось так же легко и быстро, как в театре.

Я сконфуженно бросила платье ему в лицо.

Голой я не осталась. Все интимные части моего тела скрывало мягкое нижнее белье, но и этого было достаточно. Выбравшись из-под платья, муженек тут же залился румянцем и сразу отвел глаза.

– Там есть рубашка. – Он кивнул на шкаф и покосился на мою рану. – Я велю горничной принести тебе ночнушку. Не дай ей увидеть твою руку.

Когда он ушел, я опять закатила глаза и нацепила одну из его нелепейше огромных рубашек. Она доходила мне до колен и даже ниже.

Убедившись, что муж ушел, я прокралась обратно в спальню. Золотой свет заката сочился в одинокое окно. Я подтащила к нему стол, сверху поставила стул, а затем залезла наверх. Опершись локтями на подоконник, положила на руки подбородок и вздохнула.

Солнце все еще было прекрасно. И, несмотря на все, что случилось сегодня, оно как и прежде заходило за горизонт. Я закрыла глаза, купаясь в его тепле.

Вскоре пришла горничная – проверить окровавленные простыни. Довольная, она молча стянула их с кровати. Глядя ей в спину, я чувствовала, как внутри у меня все сжимается. На меня горничная не смотрела.

– У вас есть ночнушка? – спросила я с надеждой, когда молчание стало совсем уж невыносимым.

Она отвесила мне реверанс, чопорно и четко, но в глаза смотреть все так же избегала.

– Рынок закрыт до завтрашнего утра, мадам.

Не сказав больше ничего, она ушла. Я смотрела ей вслед, предчувствуя дурное. Как наивно с моей стороны было надеяться найти в этой злосчастной Башне союзницу. Даже слугам – и тем промыли мозги. Но если они в самом деле решили, что смогут сломить меня молчанием и одиночеством, их поджидает сюрприз.

Спустившись вниз со своей мебельной башни, я стала бродить по комнате в поисках чего-нибудь, что удастся использовать против моего тюремщика. Средства шантажа. А может быть, оружия. Чего угодно. Я ломала голову, вспоминая все, что применяла против Андре и Грю за прошедшие годы. Открыв ящик стола, я стала копаться в нем со всей церемонностью, которой заслуживал мой супруг. Смотреть там было особо не на что: пара перьев, чернильница, старая истлевшая Библия и... кожаный блокнот. Когда я взяла его и пролистала страницы, несколько листов упали на пол. Письма. Я наклонилась за ними, и на моих губах расцвела улыбка.

Любовные письма.

Той ночью меня разбудил очень растерянный рыжеволосый шассер. Я лежала в ванной, все еще одетая в дурацкую рубашку мужа, когда он ворвался в уборную и ткнул меня пальцем в ребра.

– Что? – Я сердито оттолкнула его, морщась от внезапного света.

– Что ты творишь? – Он отшатнулся, стоя на коленях, и поставил на пол свечу. – Тебя не было в постели, и я подумал... подумал, что ты...

– Сбежала? – договорила я. – Этот пункт все еще у меня в планах.

Его лицо окаменело.

– Это будет ошибкой.

– Все относительно, – зевнула я и снова свернулась калачиком.

– Почему ты лежишь в ванне?

– Ну, в твоей кровати я определенно спать не буду, верно? Ванна показалась мне лучшим выходом.

Мы помолчали.

– Тебе незачем... незачем лежать здесь, – наконец пробормотал он. – Можешь спать в кровати.

– Нет, спасибо. Не то чтобы я тебе не доверяю... хотя погоди, дело именно в этом.

– И ты думаешь, что ванна защитит тебя от меня?

– Хм-м, нет, – ответила я, с трудом держа веки открытыми – так они были тяжелы. – Я могу и запереться...

Минуточку.

Я резко проснулась.

– Но ведь я и так уже заперла дверь. Как ты смог сюда войти?

Он улыбнулся, и я чертыхнулась про себя, чувствуя, как предательски дрогнуло сердце. Улыбка преобразила все его лицо, совсем как... как солнце. Я нахмурилась, скрестила руки на груди и поглубже закуталась в его рубашку. Сравнение с солнцем было непрошеным, но теперь я уже не могла выбросить его из головы. И от его рыжих волос – растрепанных, как будто он тоже уснул в неподобающем месте, – стало только хуже.

– Где ты был? – рявкнула я.

Его улыбка дрогнула.

– Заснул в алтарной. Я... хотел побыть один.

Я нахмурилась, и молчание между нами затянулось. Наконец я спросила:

– Так как ты сюда попал?

– Не ты одна умеешь взламывать замки.

– Неужели? – Мне стало интересно, и я села. – И где же праведный шассер мог обучиться подобному трюку?

– У Архиепископа.

– Ну разумеется, этот осел тот еще лицемер.

Хрупкая близость между нами мгновенно разрушилась. Шассер вскочил на ноги.

– Никогда не отзывайся о нем неуважительно. Точно не в моем присутствии. Он лучший человек из всех, кого я знаю. Самый храбрый. Когда мне было три года, он...

Я тут же перестала его слушать и закатила глаза. Похоже, из-за него это уже стало входить в привычку.

– Слушай, шасс, ты мой муж, поэтому я хочу сказать тебе честно – при первой же возможности я с удовольствием прикончу твоего Архиепископа.

– Он сам убьет тебя прежде, чем ты успеешь шевельнуть хоть пальцем. – В глазах шассера сверкнул фанатичный блеск, и я с вежливым сомнением вскинула бровь. – Я серьезно.

Архиепископ – самый опытный лидер в истории шассеров. Он казнил больше ведьм, чем кто-либо из живущих. Его умения легендарны. Он сам – легенда...

– Да он же старикан дряхлый.

– Ты его недооцениваешь.

– Здесь, похоже, это обычное дело. – Я зевнула и отвернулась от него, ерзая в ванной поисках местечка помягче. – Слушай, здорово поболтали, но сейчас мне нужно поспать, а не то завтра утром я буду некрасивая. А мне ведь нужно выглядеть шикарно.

– Зачем? Что будет завтра?

– Я вернусь в театр, – пробормотала я, уже закрывая глаза. – Те отрывки сегодняшнего спектакля, что я застала, были очень занятные.

Снова повисло молчание, и на этот раз оно еще больше затянулось. Я украдкой посмотрела на шассера через плечо. Несколько секунд он возился со свечой, а затем глубоко вдохнул.

– Теперь, когда ты моя жена, лучше всего тебе оставаться в Башне шассеров.

Я резко села, мгновенно забыв про сон.

– А вот мне совсем не кажется, что так будет лучше.

– Люди в театре видели твое лицо... – У меня внутри забились тревога. – И теперь они знают, что ты моя жена. За тобой будут пристально наблюдать. Все, что ты скажешь, отразится на мне и на всех шассерах. Архиепископ тебе не доверяет. Он считает, лучше тебе оставаться здесь, пока ты не научишься прилично себя вести. – Он сурово посмотрел на меня. – И я с ним согласен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.